

Редакционная коллегия:

В. М. Орел (главный редактор)

Д. А. Александров (редактор отдела рецензий)	Л. М. Кожина (отдел научно-технических музеев)
В. В. Бабков (отдел истории биологии)	Н. И. Кузнецова (зам. главного редактора)
А. Г. Барабашев (отдел философии
и методологии науки)	Л. А. Маркова (отдел общих проблем)
Е. Н. Будрейко (ответственный секретарь)	И. И. Мочалов (отдел истории наук о Земле)
Вл. П. Визгин (отдел истории физики,
механики и астрономии)	А. М. Смолеговский (отдел истории химии)
В. Л. Гвоздецкий (отдел истории техники)	Д. А. Соболев (отдел истории авиации
и космонавтики)
С. С. Демидов (отдел истории математики)	А. Ю. Стручков (редактор международного
отдела)
С. С. Илизаров (отдел архивных публикаций)	А. В. Юревич (отдел социологии и социаль-
ной психологии науки)

Международный редакционный совет:

Марк Адамс, США
Кит Бенсон, США
Павел Волобуев, Россия
Гурген Григорян, Россия
Лорен Грэхем, США
Кеннет Кноспел, США
Борис Козлов, Россия
Эдуард Колчинский, Россия
Джон Криге, Франция
Юрий Наточин, Россия
Мариано Ормигон, Испания

Доминик Пестр, Франция
Ганс-Йорг Райнбергер, ФРГ
Нильс Ролл-Хансен, Норвегия
Эдвард Свидерски, Швейцария
Вячеслав Степин, Россия
Дуглас Уинер, США
Дэвид Холлоуэй, США
Юрий Храмов, Украина
Саймон Шейфер, Великобритания
Александр Яншин, Россия

Журнал издается при финансовой поддержке РФНФ (код проекта 96-03-10042)

Номер набран и сверстан на электронном оборудовании
Института истории естествознания и техники РАН

редакторы Куликова Марина Владимировна, Фирсова Галина Александровна,
компьютерный набор и оригинал-макет — Кафтаева Тамара Григорьевна,
Алексеев Константин Игоревич

Адрес редакции: 103012, Старопанский пер., 1/5
телефон/факс: (095) 928-1190, E-mail: VIET@ihst.msk.su
Заведующая редакцией Бузяева Татьяна Ивановна

Подписано к печати 24.02.97. Формат бумаги 70×100 1/6
Офсетная печать. Усл. печатн. л. 14,3 Усл. кр.-оттн. 11,1 тыс. Уч.-изд. л. 18,0 Бум. л. 5,5
Тираж 765 экз. Заказ 1175

Московская типография N 2 РАН, 121099, Москва, Шубинский пер., 6

© Издательство «Наука»,
«Вопросы истории естествознания и техники», 1997 г.

При перепечатке, переводе на иностранные языки,
а также при ином использовании оригинальных материалов журнала
ссылка на ВИЕТ обязательна.

Социальная история отечественной науки и техники

А. В. ПОСТНИКОВ

ПРОДАЖА АЛЯСКИ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ТЕЛЕГРАФНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Продажа российских заокеанских владений Северо-Американским Соединенным Штатам была вызвана сложным комплексом экономических и геополитических причин, анализ которых выходит далеко за рамки предлагаемой статьи, тем более что в последние годы эта тема получила всестороннее освещение в трудах зарубежных и отечественных исследователей, из которых особенно следует выделить фундаментальные работы академика Н. Н. Болховитинова [1–7]. Большинство ученых соглашались в том, что договор о продаже Аляски, заключенный 18 (30) марта 1867 г. между Россией и Соединенными Штатами, был взаимовыгодным результатом осуществления американских геополитических амбиций и основанного на трезвом расчете решения России сосредоточить усилия на освоении присоединенных в 1860 г. к Империи Приамурья и Приморья. В предлагаемой статье мы рассмотрим географические исследования, которые играли весьма значительную роль в достижении этого результата.

Мысль о «неизбежности» распространения североамериканцев по всему континенту родилась уже в XVII в., в период основания в Новом Свете первых английских колоний. В самом названии возникшего в 1776 г. нового государства — Соединенные Штаты Америки — звучала идея распространения молодой республики по всему Американскому континенту*, а в 1819 г. государственный секретарь США Джон Квинси Адамс заявил, что все другие государства мира должны примириться с мыслью о том, что континент Северной Америки — законное владение Соединенных Штатов: «С того времени, как мы стали независимым народом, то, что это стало нашей претензией, является в такой же мере законом природы, как то, что Миссисипи течет в море. Испания имеет владения к югу, а Англия — к северу от наших границ. Было бы невероятно, чтобы прошли столетия, а они [эти владения. — А.П.] не были бы нами аннексированы» [7, с. 50–51; 8; 9]. В отношении русских колоний на Аляске Дж. К. Адамс придерживался точно такой же точки зрения, считая, что для отвоевания этой части Американского континента у русских лучшим оружием будут терпение и время. В своем письме сенатору Джеймсу Ллойд из Массачусетса от 15 июля 1823 г.

* Подробнее об этом см. [1, с. 68–69].

он вообще отрицал какие-либо права России в Северной Америке: «Но какие права Россия имеет на какие-либо колонии на континенте Северной Америки? Имеет ли она какие-нибудь, которые мы обязаны признать? И не время ли для американских наций оповестить правителей Европы, что Американские континенты не открыты более для европейских колоний» [10, с. 53]. Фактически таким образом была первоначально сформулирована доктрина Монро — «Америка для американцев», хотя в отношении Русской Америки в то время Соединенные Штаты были вынуждены отложить осуществление экспансионистских планов Адамса и по договору от 17 апреля 1824 г. признать в качестве южной границы российских колониальных владений в Новом Свете параллель $54^{\circ} 40'$ с. ш. [10, с. 59–60].

В сороковые годы XIX в. экспансионизм США в Северной Америке приобретает характер четко выраженной государственной политики. В 1845 г. был аннексирован Техас, а в результате войны с Мексикой (1846–1848 гг.) присоединена Калифорния и установлена граница по Рио-Гранде. Именно в это время редактор журнала «Демократик Ревью» и нью-йоркской газеты «Морнинг Ньюс» Джон Л. О'Салливан «отчеканил» термин «предопределение судьбой» (Manifest Destiny), означавший для апологетов экспансионизма, что само Провидение предназначило Соединенным Штатам господствовать на всем Американском континенте [7, с. 49–50; 11, 12]. Наиболее последовательным проводником этой политики стал Уильям Г. Сьюард, губернатор штата Нью-Йорк (1838–1842 гг.), сенатор (1849–1861 гг.) и государственный секретарь США (1861–1869 гг.), который считал себя прямым учеником скончавшегося в 1848 г. Дж. К. Адамса. В том же году У. Г. Сьюард твердо заявил: «Нашему населению предназначено катить свои непреодолимые волны вплоть до ледяных границ Севера и до встречи с восточной цивилизацией на берегах Тихого океана» [13, с. 409]. Соединенные Штаты, по проектам Сьюарда, сформулированным в 1860 г., должны были распространиться на весь континент Северной Америки, острова в Тихом и Атлантическом океанах, а со временем, возможно, включить и Южную Америку вплоть до мыса Горн. Соединенные Штаты как Северо-Американский континент при этом должны были объединять около 60 штатов и иметь столицу в Сент-Поле (штат Миннесота). Эту схему расширения планировалось осуществить к 1960 г. В качестве метода воплощения в жизнь грандиозного геополитического проекта Сьюардом предлагалось использовать не завоевания, плодом которых являются колонии («источник слабости империй»), а «расширение республиканских структур, чьим плодом являются равноправные штаты (“источник силы,»)» [14, с. 21–22]. Союзником У. Г. Сьюарда в экспансионистской политике стал сенатор из Калифорнии Уильям МакКендри Гвин, чему не помешали даже диаметрально противоположные взгляды политических деятелей: Сьюард был лидером республиканской партии, активно выступавшим против рабства, а Гвин — рабовладельцем, тесно связанным с демократической партией. Расходясь в партийных пристрастиях, оба постоянно сотрудничали «в обеспечении правительственной поддержки Тихоокеанской железной дороге, торговле,

китобойному промыслу и другим коммерческим начинаниям, столь важным для процветания... всего Союза» [10, с. 114–115] и распространения его влияния на соседние территории. Как отмечала американская исследовательница Х. Макферсон, «Гвин вынашивал идею всемирной империи, центром которой должны были стать Соединенные Штаты. Его планы предусматривали соединение Тихого и Атлантического океанов через Панаму», строительство трансконтинентальной железной дороги, телеграфа и т. д. [15, с. 31–32]. Так же, как и Сьюард, Гвин призывал обратить внимание на «сотни миллионов жителей, населяющих Китай и Японию», а также на русские владения вдоль Амура как на рынок для американских товаров, который даст США «контроль над мировой торговлей и обменом» [16, цит. по 7, с. 5–58].

Сенаторы Сьюард и Гвин хорошо осознавали важность географического изучения районов, представивших, по их воззрениям, потенциальный геополитический интерес для Соединенных Штатов, свидетельством чему является, в частности, тот факт, что они инициировали билль об организации, по сути дела, первой солидной американской гидрографической экспедиции для исследования северной части Тихого океана под командованием лейтенанта Джона Роджерса. По возвращении из экспедиции в 1855 г. Джон Роджерс, помимо всего прочего, отмечал огромные потенциальные возможности реки Амур, представляющей собой, по его мнению, «великую магистраль, которую природа проложила от берегов Тихого океана к центру Азии», и считал, что в будущем на ее берегах возникнет «обширная торговля», а город в ее устье станет своего рода русским Сан-Франциско [7, с. 143; 17, с. 55–56].

Американские геополитические устремления 50–60-х гг. XIX в. были хорошо известны в российских правительственных кругах, особенно благодаря тому, что в годы Крымской войны, несмотря на различия в политических системах, произошло явное сближение между Россией и США перед лицом общего соперника — Великобританией [18, 19]. В связи с Крымской войной царское правительство особенно остро осознало необходимость укрепления позиций Российской Империи на Дальнем Востоке и необходимость расширения связей с США. В эти годы впервые был поднят вопрос об уступке Русской Америки Соединенным Штатам. Инициатором явился генерал-губернатор Восточной Сибири граф Н. Н. Муравьев-Амурский (1809–1881 гг.), который, приехав весной 1853 г. в Санкт-Петербург, подал императору Николаю I служебную записку, где изложил свое мнение о необходимости укрепления позиций Российской Империи на Дальнем Востоке, а также — о будущей судьбе русских владений в Северной Америке и важности тесных сношений с Северо-Американскими Штатами. Н. Н. Муравьев напоминал, что четверть века назад «Российско-Американская компания обращалась к правительству с просьбой о занятии Калифорнии, тогда свободной и почти никем не владеемой, сообщая при том свои опасения, что скоро область эта сделается добычей Американских Соединенных Штатов... Нельзя было и тогда же не предусматривать, что штаты эти, ут-

вердившись однажды на Восточном океане, скоро будут там первенствовать перед всеми морскими державами и будут иметь надобность во всем северо-западном берегу Америки. Владычество Северо-Американских Штатов во всей Северной Америке так натурально, что нам очень и жалеть не должно, что двадцать пять лет назад мы не утвердились в Калифорнии, — пришлось бы рано или поздно уступить ее, но, уступая мирно, мы бы могли взамен получить другие выгоды от американцев. Впрочем, теперь, с изобретением и развитием железных дорог, более еще, чем прежде, должно убедиться в мысли, что Северо-Американские Штаты неминуемо распространятся по всей Северной Америке, и нам нельзя не иметь в виду, что рано или поздно придется им уступить североамериканские владения наши. Нельзя было, однако ж, при этом соображении не иметь в виду и другого: что весьма натурально и России если не владеть всей Восточной Азией, то господствовать на всем азиатском побережье Восточного океана. По обстоятельствам мы допустили вторгнуться в эту часть Азии англичанам... но дело это еще может поправиться тесной связью нашей с Северо-Американскими Штатами» [7, с. 91–92; 20, с. 154–155; 21, с. 322–323].

Власти в Санкт-Петербурге отнеслись к записке Н. Н. Муравьева весьма одобрительно. Предложения генерал-губернатора Восточной Сибири по укреплению позиций Империи в Приамурье и на острове Сахалин были детально изучены с участием генерал-адмирала, великого князя Константина и членов правления Российско-Американской компании. Одним из конкретных итогов этой работы было повеление императора от 11(23) апреля 1853 г., разрешавшее Российско-Американской компании «занять остров Сахалин на тех же основаниях, как она владела другими землями, упомянутыми в ее привилегиях, с тем чтобы не допускать на Сахалине никаких иностранных заселений» [7, с. 92–93; 20, с. 157; 22, с. 99–128].

Одним из важных конкретных мероприятий, направленных на осуществление как американских, так и российских геополитических планов, было создание надежной телеграфной связи как в рамках обеих держав, так и между Северной Америкой и Евразией. Идея создания такого рода межконтинентальной телеграфной линии возникла практически одновременно в России и США, а ее осуществление вылилось в последнюю крупную научную экспедицию в Русской Америке, положившую начало исследованиям Аляски американскими учеными и в определенной мере подготовившую покупку Соединенными Штатами российских заморских владений.

Как свидетельствуют материалы Министерства почт и телеграфа Российской Империи, сохранившиеся в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге, уже «в 1854 году гражданин Северо-Американских Соединенных Штатов Шафнер предложил нашему Правительству провести телеграфную линию чрез Россию, Сибирь, Камчатку и Берингов пролив, или от Иркутска вниз по Амуру и чрез Алеутские острова в Северную Америку на соединение с Американскими телеграфами» [23, лл. 48–48 об.]. Господин Шафнер готов был осуществить проект на свои собственные средства при условии предоставления ему рабочей силы и ис-

ключительного права пользования телеграфом в течение 100 лет. Предложение американца было вежливо отклонено. В 1856 г. капитан Первой Конно-пионерной дивизии Д. И. Романов разработал проект Русско-Американского международного телеграфа и представил его в 1857 г. в Кяхте генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву. Проект был доложен императору, и его «повелено допустить к печатанию за исключением неуместных суждений и выражений». Одним из главных соображений, побудивших придать проект гласности, было желание российских властей доказать национальный приоритет в выдвижении этой идеи [24, лл. 1–1 об.], тем более что иностранцы продолжали попытки заинтересовать телеграфными проектами руководство России и в конечном итоге преуспели в этом. Материалы Романова были без промедления опубликованы [25, 26, 27], а он сам направлен в США для ознакомления с телеграфным делом и принял участие в осуществлении этого проекта.

В 1858 г. российскому правительству поступило сразу три иностранных предложения о проведении межконтинентального телеграфа. В частности, «иностранец, парижский житель Лиже-де-Либессар, называющий себя Главным директором Общества Всенародной Телеграфии», считал возможным осуществить прокладку кабеля по дну Берингова пролива, а «лондонские банкиры Дево и К^о предложили устройство Телеграфа чрез Россию, Северную Америку и Орегон в Калифорнию, не разъясняя более определенно направления линии» [23, л. 48 об.]. Наиболее активен и даже назойлив был некто подполковник Кэмпбелл-Слейг (Campbell-Sleigh), явившийся в Россию с проектом своего брата полковника Кэмпбелла. По их мнению, телеграфное соединение континентов возможно было осуществить либо по дну Берингова пролива, либо — по Алеутской островной дуге. Помимо телеграфа Кэмпбелл предложил также построить железную дорогу от Нижнего Новгорода к Татарскому проливу Тихого океана. Предложение англичан было воспринято российскими официальными властями весьма настороженно и скептически, о чем, в частности, свидетельствует следующее письмо, направленное 20 марта 1858 г. министру иностранных дел России А. М. Горчакову «Главноуправляющим Путиами Сообщения и Публичными Зданиями» К. Чевкиным:

Милостивый государь Александр Михайлович!

Возвращая при сем к Вашему Сиятельству депешу Действительного Статского советника Барона Николаи [посла России в Лондоне. — А. П.] от 4/16 Марта, о предложении иностранца Кемпбелля устроить телеграфную линию из Москвы в Америку чрез Охотск и Берингов пролив, считаю долгом уведомить, что означенную депешу я докладывал Государю Императору с тем, что таковое предположение представляется едва ли избыточным, так как, кроме 9 тысяч верст до Охотска, остается еще несколько тысяч верст самыми суровыми и безлюдными странами, досель еще не исследованными. Заверение же, будто это громадное дело может быть совершено в течение одного года, столь несообразно, что дает мало выгодное понятие о благонадежности предполагаемого, и во-

обще нельзя видеть без удивления полковника Английского, занимающегося в настоящее время, где офицеры в Английской армии столь нужны, — проводом телеграфа сухопутного через Сибирь в Америку.

Примите, Ваше Сиятельство, уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: К. Чевкин [23, лл. 4–4 об.].

Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев решительно поддержал этот проект, особенно в его сибирской части. Заявив Горчакову, что «телеграф от С.Петербурга до Устья Амура сделался теперь такою необходимостью, что нельзя жалеть на это 5 миллионов, которые он может стоить», Муравьев подчеркивает, что «...в Японии и Китае утвердилась Англия, Франция и Америка, и при всем искусстве нашей политики, мы никогда не успеем предворить этих господ, если сообщения наши со столицею останутся в настоящем первобытном положении» [23, л. 46]. Генерал-губернатор Восточной Сибири считал, однако, что постройка телеграфа на территории России должна была осуществляться отечественными фирмами, и за это дело выразило готовность взяться, в частности, Сибирское Русское Общество Амурское. 11 декабря 1858 г. император высочайше повелел вынести вопрос о телеграфе на рассмотрение Сибирского Комитета. Необходимость создания Сибирского телеграфа получила практически единодушное одобрение членов Комитета, тем более что 16 декабря 1858 г. было получено официальное согласие Китая на проложение телеграфной линии от Кяхты до Пекина [23, л. 54]. Услуги английского полковника, однако, было решено отклонить, так как на основании обнаруженных русскими дипломатами публикаций в лондонских газетах «Times» и «Daily News» выявлено, что полковник Кэмпбелл был мошенником, занимавшимся денежными махинациями. В соответствии с решением Сибирского Комитета сразу же были предприняты практические шаги по изысканию трассы телеграфа, для чего в Сибирь были направлены два инженера Управления Путей Сообщения [23, л. 143]. История с Кэмпбеллом-Слейгом на этом не закончилась, так как в 1862 г., узнав о проложении телеграфа до Иркутска и Кяхты, английский прожектёр пытался через императора получить вознаграждение за идею и издержки, но успеха, конечно, снова не имел.

Более удачливым оказался американский автор проекта транстихоокеанского телеграфа, активный пропагандист развития торговли по Амуру, энергичный предприниматель и политический деятель из Сан-Франциско П. М. Коллинз. Планы его основывались на том, что после присоединения Приамурья к России для Америки откроются большие возможности торговли по Амуру, обеспечивающему пути к необъятным рынкам Китая и других стран Южной Азии. Зимой 1856 г. Коллинз отправился в Вашингтон, чтобы получить поддержку президента Ф. Пирса, а также российского поверенного в делах в США Э. А. Стекла [7, с. 143]. Коллинз предложил президенту послать его в Приамурье, «рассмотреть его с коммерческой точки зрения и открыть его для торговли по этой реке; ознакомить наш

народ с природой и пространством». Он утверждал, что Амурский район был исключительно важен для расширения торговли Калифорнии, Орегона и Вашингтона. Предложения Коллинза получили поддержку государственного секретаря У. Марси и президента Ф. Пирса. 24 марта 1856 г. Перри М. Коллинз был назначен торговым агентом (представителем) Соединенных Штатов на Амуре [10, с. 122]. 12 апреля того же года он отправился из Нью-Йорка в Ливерпуль, а 17 мая на первом пароходе прибыл в Кронштадт.

Заручившись поддержкой генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского, Коллинз, вместе с независимо от него оказавшимся в Петербурге таким же предприимчивым американцем Бернардом Пейнтоном (также вынашивавшим планы развития торговли по Амуру) [28], в декабре 1856 г. отправился на санях в Восточную Сибирь, достигнув ее столицы — Иркутска — 7 января 1857 г. [7, с. 144–146; 29; 30; 31]. Позже Б. Пейнтон решил вернуться в Санкт-Петербург, а Коллинз основательно изучил положение в Сибири, ознакомился в Кяхте с состоянием торговли с Китаем, побывал в Чите и на Нерчинских рудниках. Кульминацией пребывания торгового агента США в Восточной Сибири было его плавание из Читы до Николаевска, а затем, в компании с военным губернатором края контр-адмиралом П. В. Казакевичем и главой российской дипломатической миссии в Китае Е. В. Путятиным, — сплав по течению реки Амура до его устья, где он застал несколько американских кораблей из Сан-Франциско и Бостона, занимавшихся торговыми операциями [7, с. 146–147]. В Чите П. М. Коллинз выдвинул смелый проект строительства Байкало-Амурской магистрали, призванной соединить реку Амур с административным центром Восточной Сибири г. Иркутском. Предложение Коллинза, поддержанное Н. Н. Муравьевым, было передано в Сибирский Комитет, который его не одобрил, так как считал первоочередной задачей соединение Восточной Сибири с европейской частью страны и полагал, что осуществление этого проекта «может быть впоследствии весьма вредно в том еще отношении, что поставит внутренние интересы восточной части Сибирского края в зависимость не от метрополии, как это до сих пор было, но от иностранцев и в особенности от североамериканцев» [7, с. 147–148; 32, лл. 17–18]. Сам же Коллинз не отказался от мысли расширять торговые интересы США на российском Дальнем Востоке и с энтузиазмом писал Марси и новому государственному секретарю Льюису Кассу о больших возможностях этого региона для американской коммерции. В частности, он подчеркивал, что Амур — это Миссисипи Сибири и что расширявшаяся в то время торговля янки на Камчатке может найти продолжение на Амуре и включиться в обширную торговлю Северной Азии. Коллинз вернулся в Соединенные Штаты через Сан-Франциско в декабре 1857 г., оставив вместо себя на Амуре вице-коммерческого агента Джорджа Кушинга [10, с. 123].

Наиболее важным результатом путешествия П. М. Коллинза явилось выдвижение им грандиозного проекта русско-американского телеграфа, который соединил бы телеграфные системы двух полушарий через Берингов пролив. Для осуществления этого проекта предприимчивый америка-

нец стал активно действовать сразу в нескольких направлениях — в США, России и Англии. Ему удалось заинтересовать как правительственные круги этих стран, так и могущественного президента Компании Западных объединенных телеграфов Х. Сибли. В России этот проект вначале был принят с той же осторожностью, что и предшествовавшие ему зарубежные начинания подобного рода.

В 1859 г. Перри М. Коллинз снова отправился на Амур и в течение последующих двух лет старался, без видимого успеха, получить согласие русского правительства на осуществление проекта межконтинентального телеграфа, в то время как уже в 1861 г. он вместе с Сибли заручился поддержкой администрации президента Авраама Линкольна, и даже гражданская война не остановила осуществления проекта [10, с. 124]. В том же году для ознакомления с американским опытом сооружения и эксплуатации телеграфных линий в США побывал уже знакомый нам русский военный инженер Д. И. Романов, который в ходе командировки за океан познакомился со знаменитым С. Морзе, а также с Х. Сибли и П. М. Коллинзом, обсудив с ними вопрос «о телеграфе между Америкой и Сибирью, тем более что в то время была окончена и открыта телеграфная связь через весь континент с Калифорнией» [27, с. 3–4]. Помимо этого, подполковник Романов настоятельно рекомендовал использовать работы по изысканию трассы нового телеграфа для того, чтобы «организовать совместную научную экспедицию (Россия, Америка и Англия) для изучения местностей, по которым будет проложен телеграф», и его предложение было незамедлительно доведено до сведения великого князя Константина российским посланником в Вашингтоне бароном Э. А. Стеклем [33].

В 1862 г. американское правительство предприняло официальные шаги по дипломатическим каналам для получения согласия российских властей на строительство транстихоокеанского телеграфа. 5/17 сентября 1862 г. американский чрезвычайный и полномочный посол в Санкт-Петербурге Саймон Камерон обратился по этому поводу с официальным письмом к российскому министру иностранных дел, вице-канцлеру Империи, князю А. М. Горчакову. В послании излагалась общая идея телеграфного соединения Азиатской России с Северо-Американским континентом с проложением кабеля по дну Берингова пролива либо по Алеутской островной дуге, причем первый вариант рассматривался как более предпочтительный. Подчеркивалось, что «это начинание имеет важность, выходящую за рамки намерений его авторов и даже узконациональных интересов. Это следующий шаг в великом прогрессивном движении вперед всего мира — еще один из тех триумфов мудрой цивилизации, продвижению которой как Россия, так и Соединенные Штаты были отнюдь не последними спонсорами». Отмечая, что Россия получит, в случае сооружения линии, значительный доход от передачи телеграмм в Европу по своей территории, американский представитель не скрывает весьма далеко идущих планов США в Азии, осуществление которых напрямую связывалось со строительством этого телеграфа: «Сооружение в будущем телеграфной линии от

Иркутска через Кяхту в Пекин, а оттуда в Шанхай и другие торговые порты Китая, которое можно рассматривать как вполне реальное, позволит проектируемой линии [транстихоокеанского телеграфа. — А. П.] создать кратчайшую связь между Соединенными Штатами и их важными коммерческими интересами в Китае и Японии» [33, л. 14]. Последнее соображение не вызвало энтузиазма у российских властей, вполне резонно видевших в США конкурентов в борьбе за азиатские рынки сбыта, тем более что одним из крупнейших транзитных центров торговли с Китаем для России являлась с давних времен Кяхта. В дальнейшем при обсуждении проблемы сооружения транстихоокеанского телеграфа это сказалось в непоколебимой позиции России в отношении сооружения телеграфных линий на территории Восточной Сибири силами отечественных специалистов, исключение делалось лишь для крайнего восточного участка (Охотское побережье и Чукотка) [33, лл. 12–13].

Значительная важность проекта для Соединенных Штатов была подчеркнута тем фактом, что «для того чтобы дать возможность господину Коллинзу ожидать действий Императорского Правительства без понесения неоправданных затрат, Президент назначил его временно Вице-Консулом в этом порту [Санкт-Петербурге]. Печати и архив Консульства, которые до того находились в распоряжении подписавшего [настоящее письмо — Байарда Тейлора] переданы господину Коллинзу, чей временный официальный статус в отсутствии Консула будет, надеемся, признан Императорским Правительством» [34].

В правительственных кругах Соединенных Штатов восторженным пропагандистом идеи постройки транстихоокеанского телеграфа был У. Сьюард, который рассматривал ее осуществление в свете своей убежденности в предначертанной Провидением особой роли США в мире, подчеркивая, что «столь же трудно определить расширение пределов национального влияния, которое необходимо последует от новых выгодных условий, получаемых нами этим путем для распространения по всему миру американских идей и начал политической и частной экономики, политики, нравственности, философии и религии» [35].

Не вдаваясь в дальнейшие детали длительных переговоров между Россией и Соединенными Штатами, далеко выходящие за рамки нашего исследования и подробно освещенные Н. Н. Болховитиновым на основе архивных документов [7, с. 143–166], отметим только, что в системе аргументации американской стороны не последнее место занимала опора на отмеченное выше партнерство между Россией и США, объединенных в тот период против общего стратегического противника — Великобритании. Этот факт подчеркнут, в частности, в письме американского посланника в Санкт-Петербурге Кассиуса Клея на имя начальника Азиатского департамента Министерства иностранных дел России генерала графа Н. П. Игнатьева, где отмечается, что как Соединенные Штаты, так и Россия «заинтересованы в том, чтобы телеграфные сообщения Мира не были бы ограничены Атлантической линией, которая находится в исключительном владении Британской Нации...» [33, л. 22].

Переговоры были завершены 9/21 марта 1863 г., когда главноуправляющий почтовым департаментом (с 15/27 июня министр почт и телеграфов) граф И. М. Толстой подписал с Х. Сибли и П. М. Коллинзом соглашение об условиях телеграфного сообщения между Россией и Америкой [7, с. 161]. В 1865 г. эти условия были опубликованы в официальном собрании узаконений и распоряжений российского правительства [36]. В Соединенных Штатах проект транстихоокеанского телеграфа широко освещался в периодической печати, и была опубликована специальная карта «Предложенный П. МкД. Коллинзом телеграф через Берингов пролив и Азиатскую Россию в Европу, при поддержке России и Британии» [37]*. Для обеспечения режима наибольшего благоприятствования в выполнении проекта П. М. Коллинзу 6 сентября 1865 г. был выдан следующий аттестат, сохранившийся в подлиннике в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге:

Свидетельство:

С Высочайшего соизволения Его Императорского Величества, оставлено Американской Компании Западных соединенных телеграфов /Western Union Telegraph Company/ устройство телеграфа из Америки, чрез Русские владения по Приморской области, до г. Николаевска на устьях р. Амура. Свидетельствуя об этом, покорнейше прошу местные власти: оказывать представителю этой Компании Американскому Гражданину майору Перри Коллинзу все возможное содействие при исполнении этого дела.

Министр Почт и Телеграфов

И. Толстой [39, л. 130].

Перейдем теперь непосредственно к рассмотрению хода Телеграфной экспедиции и географических исследований, проведенных в ее рамках.

Хотя, в соответствии с программой экспедиции, изыскание трассы линии нового телеграфа и его строительство планировалось проводить практически одновременно, научные работы в ее рамках занимали важное место, и объясняется это в немалой степени тем, что в правительственных кругах Соединенных Штатов, где активно изучался вопрос целесообразности приобретения Аляски, были весьма заинтересованы данными об этой территории, полученными из первых рук, причем соотечественниками. Директором научной части экспедиции был назначен молодой ученый из Иллинойса Роберт Кенникот (1835–1866 гг.)**, который, не имея из-за слабого здоровья формального университетского образования, благодаря солидному домашнему воспитанию и обучению у видных исследователей — природоведа Дж. И. Кёртланда (J. E. Kirtland) и орнитолога П. Р. Хоя (P. R. Hoy) — получил солидную теоретическую научную подготовку, позволившую ему уже в 1855 г. в результате детального экспедици-

* В Библиотеке Расмусон (Rasmuson Library), помимо опубликованных, имеется несколько рукописных карт, связанных с телеграфным проектом Коллинза, см. [38].

** Подробнее о Р. Кенникоте см. [40, с. 1–19].

онного исследования природы Иллинойса заявить о себе как о серьезном естествоиспытателе. В 1857 г. он получает пост куратора Музея природы Северо-Западного университета в Эванстоне (пригород Чикаго). В 1859 г. Роберт Кенникот решает заняться изучением природы и сбором экспонатов для музея в Британской Колумбии и Русской Америке. На средства Смитсоновского института и Чикагской академии наук (являющейся по существу музеем природы) он отправился на Аляску по рекам Макензи и Поркьюпайн и провел зиму 1860–1861 гг. в форте Юкон. Кенникот планировал исследовать реку Юкон вниз по течению, в российских владениях, для чего заручился даже следующим документом:

Российско-Американской Компании

Главного Правления

Марта 5/17 дня 1860го года

№ 223.

С.Петербург

Открытое предписание.

Предъявитель сего молодой Американский ученый Роберт Кенникот (Robert Kennicott), отправленный из Северо-Американских Штатов во владения Гудзонбайской Компании для естественных исследований, ежели прибудет во владения Российско-Американской Компании на Севере, как-то: на р. Квихпак,* Кускоквим, Нушигак или в другие места, то предписывается с стороны находящихся в тех местах Начальств Русских постов, редутов и одиночек оказывать ему возможное содействие, помощь и охранение для облегчения его путешествия, и для достижения желаемого в его ученых занятиях успеха.

Председатель Главного Правления

Российско-Американской Компании

В. Политковский

Правитель Канцелярии

А. Тимковский.**

В тот раз Роберту Кенникоту не пришлось воспользоваться этим документом, так как во владения Российско-Американской компании он не попал, но возвратился в Соединенные Штаты с мечтой снова побывать на Аляске и детально исследовать долину реки Юкон на всем ее протяжении. По возвращении ученый в течение года занимался обработкой собранных им богатых естественно-научных коллекций (особенно — орнитологических) в Смитсоновском институте, а затем продолжил эту работу на посту куратора Чикагской академии наук (с 1864 г.) [41, с. 17–18]. В этот период в

* В источниках встречаются три варианта написания названия этой реки: Квихпак, Квикпак и Квичпак.

** Текст воспроизведен по копии, любезно предоставленной автору директором Дома-музея Роберта Кенникота в Иллинойсе (The Grove National Landmark) господином Стефаном Свэнсаном (Stephan Swanson).

Смитсоновском институте началась под руководством профессора С. Бэйрда активная подготовка научной части Телеграфной экспедиции, в которую помимо ее руководителя — Р. Кенникота были включены ботаник Дж. Т. Ротрок (J. T. Rothrock), энтомолог Фердинанд Бишов (Ferdinand Bischoff), зоологи Чарльз Пиз (Charles Pease) и Генри У. Эллиот (Henry W. Elliot), палеонтолог Генри М. Банистер (Henry M. Bannister), ихтиолог и специалист по моллюскам Уильям Хилей Далл (William Healey Dall) [41, с. 18]. Судя по всему, исследовательской программе Телеграфной экспедиции руководством Смитсоновского института уделялось особое внимание, так как в этот период начались активные конфиденциальные консультации по поводу возможности покупки российских американских колоний, и властям Соединенных Штатов необходима была объективная информация о природных ресурсах Русской Америки.

Как резонно заметил американский исследователь Морган Шервуд, Роберт Кенникот был, с одной стороны, «правильным выбором» на пост начальника научного отряда, поскольку уже имел некоторый аляскинский экспедиционный опыт, но, с другой стороны, «неправильным» — по темпераменту. Он был исследователем-одиночкой, и поэтому необходимость руководить большим коллективом, разрываясь между наукой и чисто строительными проблемами проложения телеграфной линии, подорвала его здоровье и привела к преждевременной кончине. Признаки психической нестабильности Р. Кенникота проявились уже на ранних этапах подготовки и проведения экспедиции. Уильям Далл, который никогда не испытывал антипатии к Кенникоту, записал 10 мая 1865 г. в своем дневнике следующее: «Он, конечно, находится в состоянии крайнего возбуждения или под воздействием спиртного. На основании тех же данных в отношении другого человека я бы сказал, что он либо ненормален, либо неспособен выполнить порученную ему работу... Он абсурдно подозрителен ко всем...» [41, с. 19].

Следует подчеркнуть, что в своем отношении к научным исследованиям Роберт Кенникот показывал образцы самоотверженности и стремления к глубокому и всестороннему накоплению и анализу естественно-научных данных. Уже на этапе подготовки к экспедиции он постарался наладить в Русской Америке сбор образцов флоры, фауны и ископаемых для Телеграфной экспедиции и пополнения коллекций Смитсоновского института. С этой целью, еще будучи в Вашингтоне, Роберт Кенникот начал активную переписку с российским консулом в Сан-Франциско бароном Карлом Романовичем Остен-Сакеном, предлагая ему, в частности, рекомендовать Главному правителю российских колоний организовать сбор естественно-научных образцов в Русской Америке еще до прибытия туда научного отряда Телеграфной экспедиции. По этому поводу Р. Кенникот пишет К. Р. Остен-Сакену следующее:

Я предлагаю подготовить некоторое количество стандартных этикеток Смитсоновского института для птиц и т. д. с напечатанным на них именем [Главного] Правителя. Если Правитель в какой-либо мере интересуется Естественной Историей, или ему нравится иметь некоторую

репутацию в научной работе, я уверен, что мы могли бы [убедить?] его способствовать созданию больших коллекций для Смитсоновского... Если он пойдет даже на то, чтобы поручить офицерам на внешних постах [одиночках и редутах] самим собирать коллекции или получать их от индейцев и направлять собранное посредством промысловых судов в Ситку, я гарантирую, что смогу создать коллекции для него. Если он включится активно в это дело, он может даже простой поддержкой обеспечить предоставление в Смитсоновский [институт] очень хороших коллекций.

С.[митсоновский] И.[нститут], так же как и я, конечно, желали бы предоставить С.-Петербургской Ак[адемии] любые потребные для нее материалы, которые мы могли бы получить — и мы могли бы послать эти вещи от имени Правителя» [колоний]! [42]*.

Помимо этого Р. Кенникот сообщил К. Р. Остен-Сакену, что он встретился с секретарем российского посольства в Вашингтоне В. А. Бодиско «по поводу некоторых русских карт», прибавив при этом загадочно, что он «предпочитает не обсуждать этот вопрос ни с кем, кроме» самого Остен-Сакена [42, л. 2742b].

21 марта 1865 г. Роберт Кенникот, удостоенный звания майора, и подчиненные ему члены научной части экспедиции Дж. Т. Ротрок, Фердинанд Бишов, Чарльз Пиз, Генри У. Эллиот, Генри М. Банистер, Уильям Х. Далл, а также присоединившийся в качестве добровольца Г. У. Мэйнард отбыли из Нью-Йорка на пароходе «Голден Рул» (Golden Rule). Через десять дней после отхода экспедиции Кенникот направил с борта судна письмо С. Бэйрду, в котором, излагая свои предварительные соображения о программе полевых работ, решительно заявил о своем желании сохранять в тайне от русских действия экспедиции, заметив, в частности: «Я считаю, что мне не следует брать с собой кого-либо из русских вверх по реке» [Юкону] [42, л. 2759]. Группа Р. Кенникота высадилась в Грэйтауне (Никарагуа), пересекла по суше перешеек и затем на корабле прибыла 25 апреля 1865 г. в Сан-Франциско [40, с. 13–14].

Роберт Кенникот из-за внезапного сердечного приступа и необходимости доукомплектования экспедиционного оборудования задержался на два с половиной месяца в Сан-Франциско, где весьма подружился с семьей комиссионера Российско-Американской компании в Калифорнии и российского консула капитана М. Клинковстрема (Klinkofstrom). Эта семья способствовала исправлению а priori сформировавшегося у молодого американского ученого негативного мнения о русских людях. Немалую роль здесь сыграло общество двух очаровательных и блестяще образованных дочерей Клинковстрема, младшая из которых — Ольга — покорила сердце Роберта Кенникота, что он вполне определенно признает в своем письме Бэйрду от 9 июля 1865 г., заявляя, что «если бы не мисс Ольга, я был бы рад

* Приведенные и последующие копии материалов переписки по научной части Телеграфной экспедиции были любезно предоставлены автору Чикагской академией наук.

видеть Сан-Франциско проглоченным землетрясением, однако теперь я предпочитаю, чтобы он оставался невредимым, пока она здесь... Я не знаю и едва осмеливаюсь предполагать, что я хотя бы что-то для неезначаю...но...однако...русские альянсы как раз теперь очень подходящи. Как бы то ни было, у меня в Арктике будут некоторые приятные воспоминания, и в моем сердце, несмотря на его общее почерствление, остается небольшая нежная точка» [42, л. 2799]. Общение с Клинковстремами позволило Роберту Кенникоту получить, помимо этих приятных лирических воспоминаний, некоторые дополнительные сведения о русских исследованиях реки Юкон. Следует, однако, признать, что сведения эти были довольно поверхностны и необъективны, так как они предоставлялись людьми, непосредственно не занимавшимися активными исследованиями в Русской Америке: капитаном М. Клинковстремом и его старшей дочерью — вдовой капитана Кошкина, посещавшего эпизодически нижнее течение Квичпака. Отрывки из заметок, которые капитан Кошкин вел во время поездки по Квичпаку в июле 1862 г., Роберт Кенникот направил Бэйрду в качестве приложения к своему письму от 28 июня 1865 г. [42, л. 2799]. На основании явно необъективных оценок капитана М. Клинковстрема у Кенникота сформировалось весьма скептическое отношение к личности известного русского путешественника Л. А. Загоскина, что, по-видимому, не могло не сказаться на оценке результатов его континентальных исследований на Аляске. Свои довольно противоречивые соображения по этому поводу Роберт Кенникот изложил Бэйрду в следующих сентенциях: «Русские — неповоротливые телеги, и я мало чего ожидаю от них. Между прочим Загоскин, который исследовал течение Квичпака, оказался в значительной степени обманщиком [humbug]. Капитан Клинковстрем, русский консул в Сан-Франциско, плававший с ним, признает, что по крайней мере на море он был никчемным парнем и показывал признаки трусости [white feather]. Сам Клинковстрем — настоящий кремьень, не говоря уже о том, что он является отцом очаровательной мисс Ольги. Ему и его старшей дочери, вдове капитана Кошкина (бывшего в российском военно-морском флоте, а затем на службе Российско-Американской компании), я обязан наиболее ценной информацией о нижнем течении реки Юкон. Если взять Клинковстрема, барона Остен-Сакена и юного Абаса — участника нашей экспедиции — в качестве образцов русских, я должен признать, что они являются великолепным набором людей!» [42, л. 2807].

12 июля 1865 г. майор Роберт Кенникот во главе отряда из десяти человек, включавшего Пиза и Далла, на борту барка «Голден Гейт» [Golden Gate] отправился на Север. По прибытии в залив Дрейка 13 июля Кенникот и некоторые члены его группы перешли на борт парохода «Джордж С. Вraith» [George S. Wright], чтобы зайти в порт Виктория (центр канадской провинции Британская Колумбия) для приобретения дополнительной провизии. Остальные, включая Банистера, продолжали путешествие на шхуне к острову Баранова (Ситка) под руководством Далла, исполнявшего обязанности начальника научного отряда в отсутствие Кенникота.

Из центра российских американских колоний партии экспедиции, одна на борту парохода «Джордж С. Вraith», а другая — на барке «Голден Гейт», отправились в залив Нортон. «Голден Гейт» прибыл в русский редут Михайловское, расположенный в заливе Нортон, 13 сентября, где застал Кенникота и его людей, оставленных там «Вraithом» 9 сентября [40, с. 15, 176].

По просьбе общего начальника экспедиции полковника Чарльза Л. Балклея (Charles L. Bulkley) местное руководство Российско-Американской компании выделило в распоряжение американцев «в качестве лоцмана вольного штурмана Кадина, который неоднократно бывал в Беринговом море и вообще знаком с колониями, также для Квихпакской экспедиции одного из промышленных финляндца Гренберга и одного алеута для Анадырской партии в качестве толмача с чукчами» [43, л. 65]. Финн Гренберг был направлен в экспедицию в качестве переводчика с английского языка на русский. Помимо этого, позднее в помощь изыскателям предоставили «двух мальчиков с севера, Ивана Кожевникова, знающего малемютский язык, и с острова Павла креола Ивана Германа». Эти юноши изучали английский язык и готовились стать переводчиками [43, л. 78 об.]. Кроме того, в качестве официального представителя российских властей в экспедицию был направлен «чиновник особых поручений Главного управления Восточной Сибири коллежский асессор П. Аносов» для всесторонней поддержки Компании Западных объединенных телеграфов и наблюдения за ходом работ и точностью выполнения контракта. В инструкции Аносову, подписанной генерал-губернатором Восточной Сибири генерал-лейтенантом М. С. Корсаковым, особо отмечалась необходимость собирать «данные относительно притеснительных действий» иностранных китобоев против туземцев, а также — сведения в отношении служащих Российско-Американской компании, ... «имея постоянно в виду как соблюдение справедливых интересов Компании, так в особенности сохранение дружелюбных и беспритязательных отношений ее с местными жителями» [44, л. 185–189].

8 сентября 1865 г., на борту парохода «Джордж С. Вraith», стоявшего на рейде Михайловского, глава Телеграфной экспедиции, полковник Ч. Л. Балклей выдал майору Роберту Кенникоту следующее предписание:

Пароход Дж. С. Вraith

в редуте Св. Михаила. Сентябрь 8. 1865.

Уважаемый господин,

Вы назначены на пост Начальника Исследований в Русской Америке. Ваша партия состоит из:

У. Х. Эннис, Т. С. Дэнисон, Дж. Р. Адамс, Ф. М. Смит, Ф. Е. Кетчум, Дж. Т. Даейр, Ч. Пиз, М. Лебарж, Льюис Ф. Грин, Эндрю Гронберг, Джей Чаппел, О. де Бенделебен, Ричард Коттер.

В этой партии Вы главнокомандующий и будете назначать каждому соответствующий ранг и обязанности. Майор Поуп и его партия или любая ее часть здесь будут рапортовать Вам по должности, пока они на-

ходятся в Вашем подразделении. В этом месте [Михайловское] в распоряжении кладовщика Джеймса Бина будут оставлены припасы, которыми Вы будете пользоваться, выдавая соответствующие расписки.

Целью Ваших исследований является изучение Реки Квикпака, для того чтобы выяснить, является ли она Юконом, и определить, насколько мы можем ее использовать для наших целей. Приложенная к настоящему [предписанию] карта [в цитируемом деле отсутствует. — *А. Л.*], показывает наикратчайший маршрут для нашей работы, и желательно придерживаться его настолько, насколько позволит топография страны, и именно к этой цели будут направлены Ваши исследования. Вы будете договариваться с индейскими племенами о предоставлении рабочей силы и припасов и придерживаться с ними таких отношений, которые обеспечат их помощь в дальнейшем выполнении нашей работы; Вы также уполномочены нанять таких людей, которые, по Вашему мнению, будут полезны для осуществления изысканий, сооружения и ремонта [телеграфной линии]. Я прилагаю при сем распоряжения майору Поупу. Невозможность их исполнения не должна сказаться на Ваших активных действиях.

В случае его неудачи зимнюю партию следует продвинуть, по возможности, с Юкона, через Дом Диаза к Озеру Бэбайн, а сообщения [об этом] направлены во все отряды, работающие в прибрежье. Ваши собственные суждения и ответственность должны руководить Вами по мере развития событий и в процессе того, как Вы будете узнавать неизвестные ранее районы, посещаемые Вами.

Как уже свидетельствовал наш опыт, облака, которые казались столь угрожающими на расстоянии, рассеивались или превращались в тонкий туман на близком расстоянии, поэтому я уверен, что Вы не встретите серьезных препятствий и что успех будет сопутствовать Вашим терпеливым и упорным трудам.

С уважением, Ваш Ч. Л. Балклей

Майору Роберту Кенникоту

Начальнику Изысканий в Р. Ам. [45, лл. 2831а–2831в]*.

Из приведенного документа совершенно очевидна основная географическая задача экспедиции: выяснить тождественность Квичпака и Юкона. Эта проблему Роберт Кенникот сформулировал для себя еще в период первого путешествия на Юкон зимой 1860–1861 гг., когда он вполне справедливо предположил, что Квичпак представляет собой нижнее течение этой великой реки Аляски. Л. А. Загоскин пришел к тому же выводу после своего путешествия 1842–1844 гг., хотя и отобразил его на своей карте лишь в гипотетической форме.

Выйдя на берег в Михайловском, Роберт Кенникот очень быстро убедился в том, что его основная географическая задача уже довольно давно

* Копия документа любезно предоставлена автору Чикагской академией наук.

успешно решена старожилками Русской Америки и прежде всего Иваном Семеновичем Лукиным — человеком, которому суждено было сыграть видную роль и в Телеграфной экспедиции. В 1863 г. Иван Лукин был направлен местным колониальным начальством для сбора информации о действиях англичан на Верхнем Юконе. Он прошел с очередной русской торговой партией (которые к этому времени стали регулярными и вполне обыденными ежегодными походами) в Нуклуклайет [Nukluklayet], а затем в одиночку — до Форта Юкон. Там, представившись русским дезертиром, он собрал подробные сведения о распространении британской торговли на Аляске. Таким образом, И. С. Лукин был первым, кто поднялся по Юкону от моря до реки Поркьюпайн. Его информация, как и многие другие географические сведения, добытые русскими на Аляске, в то время не получила огласки [41, с. 21].

Прибывшие в Михайловское американцы довольно быстро поняли, что Российско-Американская компания прочно обосновалась на Аляске и ее служащие весьма неплохо знакомы с ее географией. Эти первые впечатления о ситуации в Русской Америке очень ярко отразил П. М. Коллинз в письме на имя российского министра почт и телеграфов графа И. М. Толстого от 29 января 1866 г., где он, в частности, сознается в том, что его особенно поразило: Россия смогла распространить «свою национальность, свою власть и свое очевидное владычество вплоть до Берингова пролива; водрузить свое знамя на обоих берегах — Азии и Америки, и оттуда вдоль Квичпака до Британской границы и таким образом открыть страну, ценную во многих отношениях для торговли и цивилизации» [46, лл. 13 и 7 об.]. Далее Коллинз, со свойственным ему темпераментом, призывает к более активному освоению северных берегов Азии и Америки, развитию на них рыболовства и изучению долины реки Юкон (Квичпак), предсказывая ее большое значение в будущем как транспортной артерии и источника минеральных и биологических ресурсов. Коллинз заканчивает свое письмо энергичным пожеланием, чтобы «русские орлы» были воздвигнуты на Беринговом проливе, на что И. М. Толстой откликнулся следующим ироническим комментарием на полях документа: «Орлы эти положительно витают над Беринговым проливом, если же там нет казаков, то только потому, что кормить их там было бы очень дорого, жить им там было бы очень холодно, а пользы от них не было бы никакой, — разве теперь понадобится их там иметь для наблюдения за Американцами, или в помощь их телеграфной прислуге» [46, л. 16]. Помимо указанных благих пожеланий и советов, П. М. Коллинз предлагал в этом письме свои услуги по исследованию природных ресурсов в азиатских и американских российских владениях, на что получил вежливый, но решительный отказ графа Толстого [46, л. 24].

Инженер-полковник Балклей, оставив отряд Р. Кенникота в Михайловском, пошел на пароходе «Врайт» вместе с барком «Голден Гейт» в северную часть Берингова моря, где капитан Скаммон (Scammon) и штурман Кадин занялись промером глубин Берингова пролива по направлению, предполагавшемуся для проложения подводного телеграфного кабеля.

Зайдя в бухту Пlover для пополнения запасов угля, пароход «Врайт» провел измерения глубин в Анадырской бухте и по окончании этих гидрографических работ прибыл 15 октября в Петропавловск-Камчатский, где его ожидал сибирский отряд Телеграфной экспедиции, которым руководил майор Сергей Савич Абаза. «Передав здесь господину Абазе все необходимые распоряжения относительно работ на Азиатском берегу, Болклей с пароходом «Врайт» и барком «Гольден-Гет» возвратился в Сан-Франциско» [47, лл. 132–132 об.]. В Петропавловске к американским судам присоединился русский паровой корвет «Варяг», офицеры которого, по отзыву Уимпера, поразили американцев своими безукоризненными манерами, гостеприимством и знанием французского и английского языков. Русское хлебосольство вошло у членов экспедиции в поговорку и, по словам Уимпера, «три месяца такого гостеприимства», сопровождаемого обильными возлияниями спиртного, «могут убить любого неподготовленного человека» [48, с. 108–109]. Аносов и Нокс отправились на «Варяге» к Охотскому побережью, прибыли в Николаевск-на-Амуре, откуда Нокс через Сибирь приехал в Санкт-Петербург [48, с. 110]. Американская часть сибирского отряда под началом Мак-Рея была направлена к устью реки Анадырь из Ново-Архангельска еще 21 августа на борту шхуны «Мильтон Боджер». Тогда же началась работа «канадского» отряда экспедиции Франка Поупа и Эдуарда Конвея, который отправился на борту барка «Клара Белл» в Нью-Вестминстер (Британская Колумбия).

Часть экспедиции, работавшая на Аляске, условно делилась на восточную и западную секции. Восточная группа должна была исследовать Юкон вверх от Нулато и соединиться с партией, работавшей в Канаде; западная — изучить район между Юконом и Беринговым проливом. Работа «канадского» отряда экспедиции протекала благополучно, о чем направленный из России официальный инспектор, чиновник особых поручений при Главном управлении Восточной Сибири Аносов сообщал, в частности, следующее:

Э. Конвей, определив направление линии по известной уже более или менее местности Британской Колумбии, приступил в сентябре месяце к постройке линии от Нью-Вестминстера к Кенелю (линия от Сан-Франциско до Нью-Вестминстера ранее того уже существовала, выстроенная Компаниею Телеграфов Штата Калифорнии; компания эта в непродолжительное время имеет соединиться с Западной Объединенной Телеграфной Компанией) и окончил ее к 1 ноября.

Франк Поп с партией в 25 человек исследовал в декабре месяце местность, прилегающую между р. Кенель и оз. Тапича. Первые 175 миль этого расстояния представляют ровную почти местность, малопокрытую лесом и вообще весьма удобную для проведения телеграфа. Далее попадаются небольшие болота, которые заставят дать незначительные изгибы и отклонения линии от прямого направления. Лес годен для столбов. Индейцев немного, и те выражают самые дружелюбные отношения. Направление линии определено и, по последним телеграммам Конвея,

приступлено уже к постройке ее на 40 миль от Кенеля. Партией Попа, кроме того, осмотрена и промерена р. Стекин, впадающая в Океан, по которой в настоящую навигацию имеют быть доставлены все материалы для линии от Кенеля до Квичпака. В течение настоящего лета партия Попа должна исследовать местность от оз. Тапича до верховьев Квичпака, где и должна встретить партию Кенникота, занятую исследованием всего протяжения Квичпака и местности, прилегающей к Берингову Пролivu... Партия Мар-рея, высаженная у устья Анадыря, должна была подняться до Анадырского острога и встретиться с партией, отправленной г. Абазой из Гижигинской губы. Результаты работ этих партий отчасти уже известны из телеграммы, посланной г. Абазой через Восточную Сибирь. Более положительные сведения получатся по прибытии в Петропавловск. Кроме этого, г. Абазой должна быть уже исследована местность от Охотска к устьям Амура, для каковой цели им посланы были две партии: одна по направлению от устья Амура к Охотску, а другая к Ю. 3. от Охотска, но сведений от них в настоящее время еще не получено [47, лл. 133–134].

Результаты изысканий, проведенных российскими партиями зимой 1865–1866 г., отображает сохранившаяся в делах Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге «Карта северной дистанции Азиатской линии Российско-Американского телеграфа» (масштаб 100 верст в дюйме), на которой указано, что:

Изыскания окончены в зиму 1865/66 года тремя партиями:

1. От Николаевска до Охотска капитаном Мигуда.
2. От Охотска до Гижигинска — Абаза.
3. От Гижигинска до устья Анадыри.

Линия направляется от Николаевска по р. Амгуни и Тугир, далее морским берегом до Аяна, от Аяна по р. Мая до Охотска. Придерживались морского берега и больших сплавных рек, избегая гористых и лесистых местностей [47, лл. 146–147].

Западный отряд экспедиции на Аляске по распоряжению Роберта Кенникота возглавил Уильям Эннис, который доложил о результатах своих исследований начальнику научной части рапортом, подписанным 23 декабря 1865 г. в поселке Уналаклит [49, лл. 1–7]. Отряд У. Энниса, включавший, помимо руководителя, О. де Бенделебена, Джея Чаппела и Ричарда Коттера, а также двух русских — Тальджика Никифора и В. Хансена [Talijik Nikefor and V. Hansen], отправился из Уналаклита 2 декабря с двумя малемютскими нартами по льду залива Нортон. Через два дня они благополучно достигли местечка Шактулик-мют, где были радушно приняты туземцами, предоставившими им помещения для отдыха и корм для собак. Через день отряд направился дальше, и, преодолев в высшей степени трудный путь при весьма морозной и ветреной погоде, путешественники добрались, с обмороженными руками, голодные и усталые, до поселка Инглуталик-мют

[Inglutalik-mute]. В этом поселении, как и ранее, обнаружилось, что индейцы проводят свои сезонные торжества («игрушки»), в связи с чем возникли большие трудности в снабжении отряда необходимыми съестными припасами. Исследователи были вынуждены пройти на запад в селение Квикмют, где, несмотря на «сезонное торжество», смогли купить некоторое количество рыбы. Далее отряд пошел на север к селению Коюк-мют, расположенному в устье одноименной реки. Придя через два дня в этот поселок, путешественники обнаружили, что он заброшен «в течение последних 13 лет из-за болезней и смертей». У. Эннис остановился в одном из брошенных жилищ и занялся исследованием окружающей местности и выяснением сведений о течении реки Коюк. 12 декабря туда прибыли два индейца из Квикмюта, приведя с собой двух собак, потерянных там путешественниками.

От этих людей, которые живут на реке Коюк, — пишет в своем докладе Роберту Кенникоту Уильям Эннис, — узнали, что на значительном расстоянии от устья имеется озеро, но что река имеет исток в горах, в которых [также] берет начало небольшой поток, направляющийся на запад и впадающий в залив Головина [т. е. — Головнина; судя по всему, туземцы имели в виду речку Фиш. — *А. Л.*], и другая речка, которая, как они предполагают, впадает в залив Коцебу. Я был, однако, преисполнен решимости лично узнать что-нибудь о реке, и с таковым намерением я отправился в путь с мистером О. де Бенделебенем, двумя русскими и одними легко груженными нартами. Я прошел всего лишь небольшое расстояние, когда на нас налетела пурга с юго-востока; что, вдобавок к воде и снежной жиже на льду, сделало невозможным какое-либо продвижение вперед [нарт. — *А. Л.*] семи тянущих их собак и четырех толкающих людей, поэтому я счел разумным возвратиться, так как при таких дорогах потребовалось бы несколько дней для преодоления всего лишь короткого расстояния, что не прибавило бы ничего к имеющейся у меня информации.

В отношении реки Коюк я выяснил, что никакого непрерывного водного сообщения между Коюк-мютом и гаванью Грантли, как это показано на Вашей карте, не существует. Кажется, все полагают, что реки между заливом Головина [Головнина] и гаванью Грантли не судоходны даже для кожаных лодок, и это мне представляется справедливым, потому что в случае, если бы эти речки были судоходны, индейцы не пользовались бы маршрутом вдоль побережья при торговле с Портом Кларенс, когда речной путь настолько короче [49, л. 3].

При взгляде на современную карту Аляски нетрудно убедиться в том, насколько достоверны были географические сведения, сообщенные Уильяму Эннису туземцами. В противоположность этому, карта, которой пользовался Роберт Кенникот, по-видимому, имела в своей основе весьма устаревшие данные, так как русские материалы того периода, начиная с карты Л. А. Загоскина, однозначно отрицали возможность существования внутреннего водного пути, соединяющего заливы Нортон и Коцебу.

На пути из Инглуталик-мют в Шактулик-мют Эннис «расположился на ночь на берегах реки, шириной около 125 ярдов, берущей начало в горах на северо-востоке и впадающей в залив Нортон. Индейцы называют ее Унвах-

тулик, она изобилует рыбой крупного размера, и ее никогда не посещали белые люди. Она не нанесена ни на одной из русских или английских карт...» [49, л. 6]. Путешественники, по-видимому, ночевали на реке, известной сейчас под названием Унгалик, и ее открытие отрядом Энниса следует признать одним из немногих географических достижений их короткого похода, основные результаты которого были обобщены на составленной О. де Бенделебеном по опросам схематической карте залива Нортон и прилегающих районов [50] (рис. 1).

Из-за отсутствия проводника, тяжелых погодных условий и недостатка провизии отряд Уильяма Энниса не смог предпринять попытку пройти в направлении Коюкука или Нулато. 23 декабря партия Энниса возвратилась в Уналаклит.

Сам майор Роберт Кенникот первоначально планировал подняться по реке Юкон на небольшом паровом катере, доставленном в Михайловское на борту «Голден Гейт», однако он был вынужден оставить этот план, так как двигатель судна оказался неисправным, а механик; нанятый в Сан-Франциско, недостаточно квалифицированным для того, чтобы его починить. В конечном итоге катер «Лиззи Хорнер» был выброшен на берег, перенесен членами экспедиции и обитателями острога на безопасное расстояние от воды и оставлен там на зимовку. Кенникот и десять членов его команды создали еще одну базу экспедиции в Уналаклите и построили там специальный дом для размещения на зиму. Баннистер остался в Михайловском ответственным за снаряжение, а также для того, чтобы проводить метеорологические наблюдения и собирать коллекции для Смитсоновского института.

Потерпев неудачу с паровым катером, Роберт Кенникот решил добираться на Юкон по суше, для чего 3 октября 1865 г. отправил на рекогносцировку маршрута самого молодого участника экспедиции, фармацевта из Сан-Франциско Джорджа Рассела Адамса [51, с. 33; 52]*. Дж. Адамс пошел в трехлучной байдарке вверх по реке Уналаклит в компании с Иваном Лукиным и эскимосом. Как свидетельствует дневник молодого американского путешественника, с первых же часов знакомства с Лукиным его поразили обширные знания креола (Адамс называл его русским) о географии районов, которые Роберт Кенникот предполагал изучить как первопроходец. Восхищение Адамса вызывали практические навыки Ивана Лукина в таежной жизни, а также его недюжинные способности, проявившиеся, в частности, в процессе взаимного обучения путешественников английскому и русскому языкам. Позже Адамс узнал, что Иван Лукин окончил семинарию в Ново-Архангельске и, помимо совершенного владения русским языком, знал эскимосский и два других местных языка, включая ингалик — язык туземцев, которых они должны были посетить.

Во время путешествия по Уналаклиту Лукин почти постоянно греб, а Адамс определял магнитные азимуты отдельных участков реки для состав-

* О дневниках Дж. Р. Адамса и Фреда М. Смита, хранящихся в Отделе рукописей Библиотеки Университета Вашингтона, см. также [52, с. 8–19].

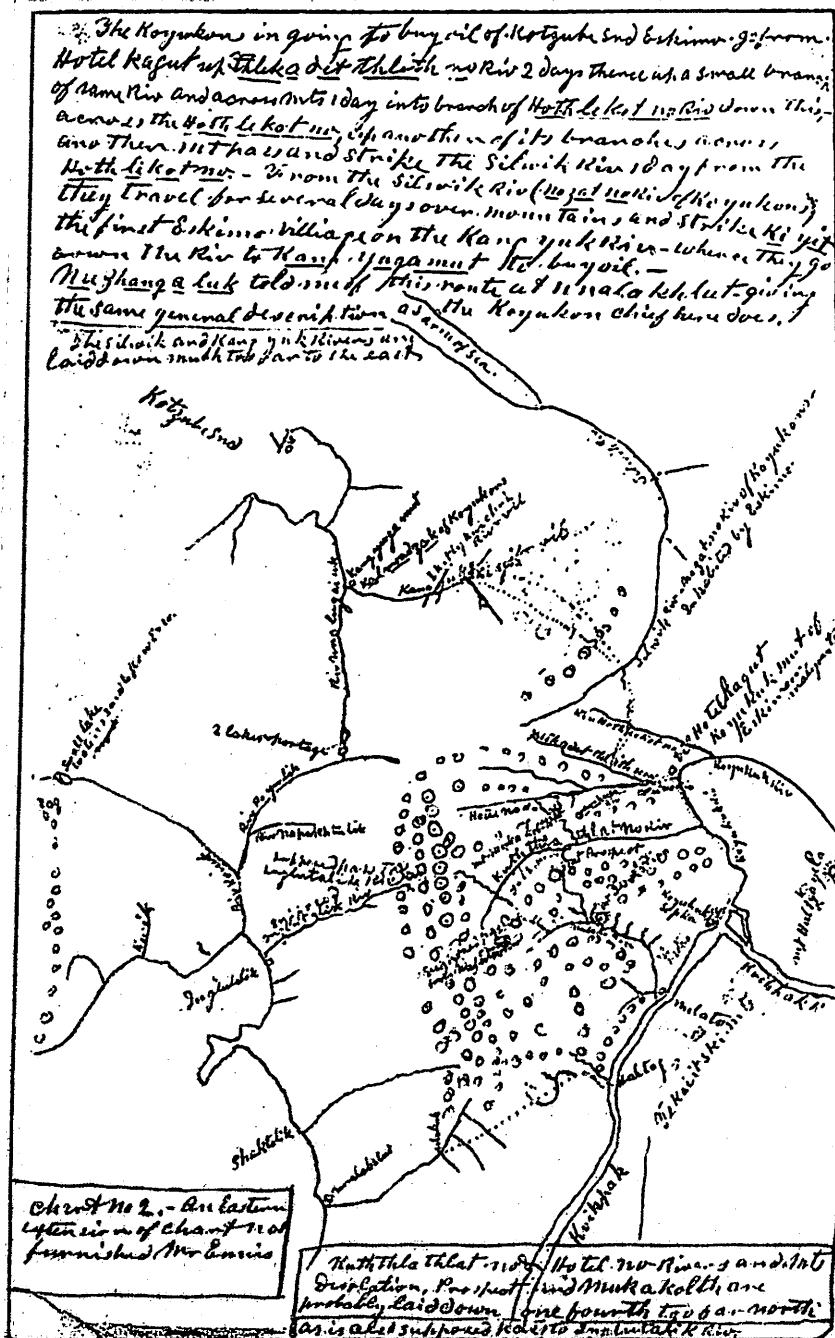

Рис. 1. Схематическая карта залива Нортон и прилегающих районов, составленная О. де Бенделеном по опросам

ления ее схематической карты. В поселке Улукук тойон Амилка согласился пройти с партией экспедиции на Квичпак. Общение Адамса с Лукиным и те начальные знания русского языка, которые он приобрел в процессе взаимного обучения с ним, привели юного американского путешественника к выводу о том, что находившийся в партии финн-переводчик, не желая зимой уходить из Михайловского, по-видимому, намеренно преувеличивал трудности снабжения исследовательской партии теплой одеждой и провизией для зимнего путешествия. В конечном итоге Дж. Адамс понял, что, если бы финн верно переводил для Кенникота всю информацию Лукина и других служащих Российско-Американской компании, то Адамсу вообще ни к чему было бы совершать эту рекогносцировочную поездку, так как все необходимые сведения начальник экспедиции мог получить в Уналаклите у русских, для которых путь на Квичпак был уже не менее знаком, чем для туземцев [51, с. 35–43].

31 октября 1865 г. Роберт Кенникот, снабженный русским управляющим Степановым необходимой одеждой и 75 собаками, вышел в путь на Квичпак. В походе по традиционному сухопутному пути русских промысловых партий Роберта Кенникота сопровождали Майк Лебарж, Дж. Адамс, два служащих Российско-Американской компании (И. Лукин и Хакерин) и два индеец-носильщика. Русские и туземцы охотились, готовили пищу и вообще обеспечивали экспедицию. Начальнику партии в этом путешествии не всегда удавалось сохранять необходимую выдержку. Так, например, когда Хакерин стал возражать на какое-то требование Кенникота и рассуждать о том, что они «чистые дураки» предпринимать такое путешествие зимой, американец, не задумываясь, избил недисциплинированного русского, используя топориче. Позднее невозмутимый Лукин заметил Адамсу, что «Хакерина наказать было надо, но майору для этого лучше было бы использовать палку, а не топор, так как он мог случайно употребить не тот его конец» [51, с. 52].

В Нулато путешественники были гостеприимно встречены русским управляющим. Роберт Кенникот пробыл там пять дней, проводя наблюдения и собирая различные сведения у обитателей форта и туземцев, а затем отправился обратно в Уналаклит, оставив лейтенанту Дж. Р. Адамсу следующее предписание:

Российско-Американский пост торговли пушниной Нулато

Р. А. Ноябрь 14, 1865

Лейтенанту Дж. Р. Адамсу.

В течение моего отсутствия (приблизительно сорок дней) Вы с Майком Лебаржем и Иваном Семеном [Семеновичем. — А. 17.] Лукиным выполняйте такие исследования на или около проектируемой линии телеграфа от Коюкука [Кайекак] на запад, какие Вам позволят Ваши ограниченные возможности. Вы также выполняйте любые работы, которые сочтете нужными, имея в виду обеспечение быстрого и безопасного продвижения этой экспедиции в направлении Форты Юкон.

От байдарщика этого поста [Нулато. — А. П.] Вы получите такие припасы, которые сочтете нужными. Он также снабдит Вас нартами и тремя собаками. Я бы Вам посоветовал прежде всего направиться к Коюкуку [Кайекаку. — А. П.] и попытаться пересечь страну на запад в направлении залива Нортон, вовремя повернув на юг к Квичпаку, с тем чтобы достигнуть этого поста, прежде чем Ваша провизия истощится. Все прочие детали я оставляю полностью на Ваше собственное усмотрение.

Роберт Кенникот

Майор, начальник исследовательского отряда российско-американской Телеграфной экспедиции [53, л. 2859].

Выполнение этого предписания, однако, было отложено в связи с тем, что Кенникот счел необходимым поручить Адамсу и Лукину прежде всего подготовить отряд к зимовке в Нулато, и 17 декабря 1865 г. они, получив от русского управляющего пять собак и нарты, отправились на восток для объезда индейских поселков, в которых можно было приобрести рыбу и дичь. Их проводником был индеец по прозвищу Курилка [50, с. 60]. По прибытии из этого похода Адамс с Лукиным присоединились к Кенникоту в Уналакли-те. 15 января 1866 г. Роберт Кенникот, Адамс, Лукин, Смит, эскимос и три собачьих упряжки снова отправились в Нулато. По прибытии в русскую факторию Кенникот с Адамсом, Лукиным и Курилкой совершили десятидневный поход вверх по Квичпаку, после чего майор снова направил Адамса со Смитом, Кетчумом и Пизом в Уналаклит за байдарками для будущего похода вверх по Юкону. Только 1 мая 1866 г. Адамс с Дайером предприняли попытку выполнить цитированное выше предписание Роберта Кенникота и отправились на север, с тем чтобы, поднявшись по реке Кайекак, разведать перевалы и реки в сторону Берингова пролива для выяснения возможностей проложения в этом направлении телеграфной линии. Задача и на этот раз не могла быть выполнена Адамсом из-за наступления весенней распутицы.

Сам Роберт Кенникот, находясь в Нулато, невзирая на суровые условия приполярной зимы, совершал неоднократные полевые исследования в горах, окаймляющих долину Юкона. Один из его спутников, лейтенант Чарльз Пиз, писал впоследствии о походах Кенникота следующее: «В сопровождении одного или двух индейцев он выходил на мрачные, безжизненные горы к западу от Нулато, отыскивая проход к побережью и собирая материалы для карты окрестностей... О его страданиях, духовных и физических, в течение того времени, когда он находился на этих ужасающих горах, можно лишь отчасти догадываться по оброненным им впоследствии случайным, скупым словам. Это было мужество спартанца, который страдал и не подавал вида... После его возвращения он, казалось, сбросил с себя свое подавленное настроение. Он начал наслаждаться постепенным появлением листьев, птиц и лосося и меньше думал о заботах и беспокойствах мрачного зимнего сезона...» [40, с. 17].

Утром 13 мая 1866 г. безжизненное тело майора Роберта Кенникота было найдено Пизом и Лебаржем неподалеку от форта Нулато. «На берегу

лежал карманный компас, линии на мягком аллювии, отмечавшие направления на различные горы, находящиеся в поле зрения, свидетельствовали, что в момент кончины он был занят дополнением материала к своей карте страны вокруг Нулато» [40, с. 17; 54, с. 217–224]. Причина смерти Роберта Кенникота до сих пор не может считаться окончательно установленной. Друг и соратник начальника научного отряда Телеграфной экспедиции Уильям Далл писал: «Его кончина была вызвана болезнью сердца, обострившейся из-за переохлаждения и лишений, от которых он оберегал других, но не себя самого» [54, с. 268]. Лейтенант Адамс считал, что Р. Кенникот покончил с собой, приняв стрихнин, которого у ученого было много, но после его кончины яд целиком исчез. Как бы то ни было, но Кенникот предчувствовал свой близкий конец: в письме, оставленном им, давалось указание в случае его смерти назначить начальником юконской партии Кетчума, а У. Эннису предписывалось руководить исследованиями в районах к западу и северу от Нулато для изыскания трассы телеграфа в направлении Берингова пролива [41, с. 24–25; 50, с. 91]. В гробу, изготовленном из досок со стен старого русского форта Нулато И. Лукиным и Пизом, тело Роберта Кенникота было доставлено байдарой по течению Юкона в Михайловское. Останки американского натуралиста похоронены в имении Гроув (The Grove) около Нортфилда в Иллинойсе.

Общим руководителем научного корпуса экспедиции был назначен Далл, в то время как сам этот корпус практически распался. Баннистер во время своей единственной полевой экспедиции обморозил лицо и был отправлен домой. После года, проведенного в Ново-Архангельске, уехал в Вашингтон Бишов. Ротрок и Эллиот находились вне досягаемости в Канаде, и хотя Балклей обещал Даллу помощь Эллиота в научных исследованиях на Аляске, последний предпочел заниматься строительством канадской секции телеграфа, что приносило большие денежные доходы. Фактически, таким образом, Далл оказался научным руководителем экспедиции без исследователей.

Планы Роберта Кенникота по «завоеванию Юкона» были воплощены в жизнь Франком Кетчумом. 26 мая 1866 г. он с Иваном Лукиным и Майком Лебаржем отправились в трехлючной байдарке из Нулато вверх по Квичпаку [41, с. 25]. До Нуклуклайета (Nukluklayet) их сопровождал также русский промышленник, совершавший свою очередную ежегодную поездку для «расторжек» с туземцами на Юконе. Фактическим руководителем этой экспедиции, по свидетельству Уимпера, являлся И. С. Лукин [48, с. 195]. В Нуклуклайете исследовательская партия застала ежегодный торговый сход туземцев танана; там присутствовали два вождя, один из которых признавался русскими, а другой англичанами. Продолжая свой маршрут, путешественники в тридцати милях выше по Юкону догнали английского миссионера, вместе с которым они пришли в Форт Юкон. Не обнаружив там главного торгового агента и пробыв в форте три дня, американская часть отряда отправилась обратно и прибыла в Нулато через восемь дней. Эта экспедиция была чисто рекогносцировочной, и трудно выяснить,

сколько точек с географическими координатами было определено и проводились ли вообще во время этого похода астрономические определения географических координат.

На следующий год были предприняты два путешествия, во время которых действительно производилась рекогносцировочная съемка реки. Зимой 1866–1867 гг. к исследователям в Нулато присоединились Уильям Далл и английский художник Фредерик Уимпер, которые занялись сбором естественно-научных и этнографических коллекций. Значительным событием этой зимы был сухопутный поход Кетчума и Лебаржа в Форт Юкон. Путешественники с четырьмя туземцами покинули Нулато 11 марта. Снаряжение транспортировалось на четырех нартах четырнадцатью собаками. 9 мая отряд прибыл в Форт Юкон, откуда Кетчум и Лебарж пошли дальше вверх по реке на берестяных каноэ и 25 июня достигли Форта Селкерка, расположенного против устья реки Пелли. Это был верхний предел проникновения экспедиции по Юкону. Возвратившись в Форт Юкон, путешественники застали там Далла и Уимпера, прибывших на лодке из Нулато неделей раньше. 8 июля объединившийся отряд покинул Форт Юкон и через пять дней (13 июля) прибыл в Нулато, где их ждало распоряжение немедленно свернуть работы и возвратиться в Михайловское. На основной базе экспедиции путешественники узнали, что все действия по изысканиям и строительству линии остановлены в связи с успешным проложением 27 июля 1866 г. Атлантического кабеля [56, с. 97] и началом его функционирования. Уильям Далл, однако, предпочел продолжить свои исследования на Аляске. 3 февраля 1868 г. в Нулато он узнал от прибывшего из Михайловского Ивана Лукина о продаже Аляски Соединенным Штатам Америки. Уильям Далл торжественно поднял государственный флаг США над бывшим русским постом в глубине Американского континента [41, с. 26–31].

Несмотря на свою незавершенность, Телеграфная экспедиция, несомненно, имела большое научное значение: ею был открыт новый — американский — этап изучения Аляски. Исследования и впечатления участников экспедиции нашли отражение в многочисленных публикациях по географии, метеорологии и гидрологии, магнетизму, истории и библиографии, экономике, геологии и палеонтологии, географии флоры и фауны, антропологии и этнографии, зоологии и ботанике (рис. 2). Наибольшее научное значение имели исследования Далла как в рамках экспедиции, так и в течение года, проведенного им на Аляске уже после ее окончания. В частности, Далл зафиксировал канадский характер североаляскинской фауны и, заметив отсутствие признаков действия ледника, пришел к выводу, что к северу от Аляскинского хребта (так же, как и на части территории Сибири) оледенения не было. В то же время он подчеркивал присутствие вечной мерзлоты в нескольких футах от поверхности земли, в слоях которой были обнаружены остатки мамонтов. Далл описал угольные отложения на Юконе, а также

* См., например, [57–60].

TRAVEL AND ADVENTURE
IN THE
TERRITORY OF ALASKA,

FORMERLY RUSSIAN AMERICA—NOW CEDED TO THE
UNITED STATES—AND IN VARIOUS OTHER
PARTS OF THE NORTH PACIFIC.

BY FREDERICK WHYMPER.

WITH MAP AND ILLUSTRATIONS.

LONDON:
JOHN MURRAY, ALBEMARLE STREET.
1868.

The right of Translation is reserved.

Рис. 2. Титульный лист книги участника Телеграфной экспедиции Фредерика Уимпера

в заливе Кука. Уимпер и Далл отмечали находки золота на Юконе служащими Компании Гудзонова залива. Золотинки были найдены членами экспедиции на полуострове Сьюарда [41, с. 34–35].

Итоги исследований на Юконе в 1867–1868 гг. были отображены на «Карте реки Юкона или Квичпака», приложенной к книге Уимпера. В пояснениях указано, что «нижняя часть течения составлена по Загоскину и другим [русским источникам], а верхняя — по магнитным направлениям, расстояниям и заметкам Ф. Уимпера» [60, 61]. Географические результаты работ Телеграфной экспедиции на Аляске были в целом обобщены на картах: 1) «Карта Русской Америки или Территории Аляска, составленная по русским картам и съемкам З. О. Тел. Эксп. Полк. Ч. И. Балклея, главного инженера, Дж. Ф. Люисом, главным чертежником, М. Кадиным, ассистентом. Литографирована Бриттоном и С. Ф. Рейем» [62] и 2) «Аляска и прилегающие территории 1869. Река Юкон, горные хребты, берега Залива Нортон и многие особенности [географии внутренней части Аляски] — по рекогносцировке У. Х. Далла, директора Научного Корпуса Экспедиции З[ападных] О[бъединенных] Тел[еграфов], 1865–1868. Вычерчена Х. Линденколем» (Вашингтон: Береговая Съемка США, 1869) [63]. Как видно из названия первой из этих карт, в ее создании принимал участие русский чертежник Михаил Кадин, который ранее был связан с составлением карт атласа М. Д. Тебенкова. На карте, вычерченной Х. Линдельколем, река Юкон изображена в явно преувеличенном масштабе, возможно для того, чтобы показать на ней множество островов.

Следует заметить, что эти три карты не могли быть использованы при обсуждении вопроса приобретения Аляски американскими законодателями, так как увидели свет уже после принятия решения, хотя нельзя исключить возможности привлечения каких-либо рукописных ранних вариантов этих произведений. Роль Телеграфной экспедиции в принятии решения о покупке российских американских колоний по-разному оценивалась различными авторами. Бывшие ее участники в опубликованных ими трудах были, по вполне понятным причинам, склонны несколько преувеличивать влияние на сенаторов и конгрессменов полученных ими географических сведений об Аляске. С другой стороны, У. Г. Сьюард при подготовке своей массивной кампании за приобретение российских владений в Америке внимательно изучал материалы Смитсоновского института, как раз в это время пополнившиеся данными Телеграфной экспедиции. Г. М. Банистер и Ф. Бишов выступали со своими личными впечатлениями и материалами в Комитете Международных отношений, а Спенсер представил важные зоологические данные, основанные на прежних коллекциях, включая богатые материалы Роберта Кенникота. Однако, как вполне резонно полагает американский исследователь Морган Шервуд, данных лишь Смитсоновского института было явно недостаточно для обеспечения решительной победы сторонников покупки Аляски. М. Шервуд подчеркивает, что «имелось совсем немного оригинального материала, который был достойным образом обработан, и телеграфные исследователи, в конце концов,

лишь едва изучили страну. Бишов, конечно, мог вполне авторитетно сообщить о Ситке, и метеорологические данные Банистера также были существенны, так как климат был главным объектом атаки оппонентов договора. Менее ясно, однако, имела ли информация Телеграфной экспедиции более существенное значение, нежели русские и английские данные» [41, с. 32].

Представляется, однако, бесспорным, что наряду с основными геополитическими доводами сторонников приобретения Аляски географические сведения об этой стране имели также весьма существенное значение, и в этом смысле Телеграфная экспедиция «могла косвенно способствовать покупке Аляски» [64, с. 182]. Но эта экспедиция отнюдь не была единственным «поставщиком» географической информации для американских властей. Уже в 1863 г. Уильям П. Блэйк участвовал в русской экспедиции на реку Стекин. Он представил карту этой реки и свои наблюдения Ф. Сьюарду [65]. Помимо этого, сам Ф. Сьюард, непосредственно в процессе подготовки к подписанию договора, направил летом 1867 г. на борту парохода «Линкольн» экспедицию Береговой Съёмки США под руководством профессора Джорджа Дэвидсона в Русскую Америку. Экспедиция прибыла в Ситку 11 августа и возвратилась в Сан-Франциско в конце ноября [66, с. 119]. За короткое время, отпущенное для экспедиции, Дэвидсон лично смог произвести лишь гидрографические съёмки и составить карты гавани Св. Павла на острове Кадьяк [67] и Ситкинской гавани на острове Баранова [68]. Астрономические, магнитные и приливно-отливные наблюдения для составления этих карт производил Дж. Дэвидсон, а данные измерений глубин были получены им из русских источников. Судя по всему, такие источники были основными при составлении отчета об экспедиции, основанного в большей мере на литературных, а не полевых материалах [69]. Полное «Сообщение о ресурсах и особенностях берегов территории Аляски» Джорджа Дэвидсона было включено в сборник документов Второй сессии Сорокового Конгресса США, а статья об экспедиции опубликована им в 1868 г. [70, 71]*.

Уже в 1856 г. Дж. Дэвидсон приобрел атлас М. Д. Тебенькова. Вполне вероятно, что во время экспедиции 1867 г. коллекция картографических материалов Береговой Съёмки США пополнилась еще одним сборником навигационных карт, выпущенных Гидрографическим департаментом Морского министерства России, известным в литературе под названием «Атлас Восточного океана» А. Ф. Кашеварова [72]. Экземпляр этого сборника имеется в Картографической библиотеке Библиотеки Конгресса США [73]. Точная дата его создания неясна. Экземпляр, хранящийся в России, содержит 36 тиражных карт побережья Ледовитого океана, Берингова, Анадырского, Охотского и Японского морей, заливов Аляска и Сан-Франциско,

* Детали истории экспедиции Дж. Дэвидсона в 1867 г., его встречи с русскими географами и штурманами на Аляске, а также использование им карт Тебенькова подробно описаны в диссертации профессора Уильяма Форреста Кинга, посвященной биографии Дж. Дэвидсона (защищенной в 1973 г. в Клермонте) (Prof. William Forrest King's biography of Davidson, a 1973 Ph.D. dissertation at Clermont Graduate School). Об этой работе автору любезно сообщил господин Джеймс Е. Рэтклифф (старший) (James E. Ratcliff, Jr.).

Колошенских проливов в Архипелаге Александра, входа в устье реки Колумбия, гравированных в 1844–1854 гг. Титульный лист утрачен, а лист с оглавлением заполнен от руки и не содержит ни имени составителя атласа, ни даты и места издания. Все эти сведения имеются лишь в каталоге В. В. Колгушкина, где отмечено, что карты хранились в картонном переплете с надписью «Атлас Восточного океана, составленный из разных журналов и карт А. Кашеваровым». Там же, без ссылки на источник, указано, что «Атлас» издан Гидрографическим департаментом Морского министерства в октябре 1862 г. [74]. С полной определенностью можно утверждать лишь, что этот сборник был издан не ранее 1854 г. [75]. Как бы то ни было, в руках Дэвидсона к 1867 г. собралось значительное количество опубликованных современных русских карт. Судя по всему, эти материалы, в совокупности с данными, собранными участниками Телеграфной экспедиции, широко использовались при подготовке знаменитой трехчасовой речи сенатора из Массачусетса 8 апреля 1867 г. [76, 77], обеспечившей ратификацию договора Сенатом США (37 голосов «за», «против» — только 2). По свидетельству американской периодической печати, детально освещавшей дебаты в Сенате, Чарльз Самнер использовал для иллюстрации своего яркого доклада документы, карты, чертежи и т. п. [7, с. 238; 78, с. 122]. Можно быть уверенными в том, что среди этих иллюстраций имелись по крайней мере некоторые из рассмотренных нами карт. Материалы, собранные экспедицией Дж. Дэвидсона, нашли отражение в отчете начальника Береговой Съёмки за 1867 г., а также составили основу изданной в 1869 г. лоции прибрежных вод Аляски от южных границ до залива Кука [79–83]. Заметим, что в описании различных природных ресурсов Русской Америки в лоции Дж. Дэвидсона упомянут факт открытия учителем училища Российско-Американской компании месторождения нефти — природного ресурса, которому в будущем суждено было составить одно из основных богатств Аляски. Выходы нефти были обнаружены в точке с координатами $58^{\circ} 1' \text{ с. ш. и } 154^{\circ} 54' \text{ з. д.}$, а также рядом с островом Кадьяк [83, с. 36].

Естественно, что помимо картографических материалов в подготовке аргументации целесообразности приобретения Аляски Соединенными Штатами большую роль сыграло мнение видных американских ученых, использовавших все имевшиеся сведения о Русской Америке, в том числе собранные в процессе Телеграфной экспедиции. Такой известный ученый, как профессор Ж. Л. Р. Агассис, специально обращал внимание Ч. Самнера на огромные природные ресурсы Русской Америки и выгоды, которые получит в результате ее приобретения торговля Соединенных Штатов. Письма по этому же вопросу направили Самнеру Г. В. Фокс, М. К. Мигс, Б. Пирс, С. Бэйрд и др. Специалисты Смитсоновского института лично выступили на заседании комитета по иностранным делам и представили убедительные свидетельства действительной ценности приобретаемой территории [7, с. 236; 39, с. 35, 44–45; 84, 85].

Российская сторона перед заключением договора также уделила пристальное внимание колонии, с которой предполагала расстаться. Однако

императорское правительство интересовалось существенно иными аспектами положения Русской Америки, нежели его американские партнеры по переговорам. Географические особенности заморских колониальных владений были русским известны достаточно хорошо, и поэтому наибольший интерес для лиц, принимавших решения, представляли социально-экономические факторы, определявшие целесообразность дальнейшего существования Русской Америки в составе Российской Империи. 1 января 1862 г. истек срок привилегий Российско-Американской компании, и эта дата совпадала с периодом существенных реформ, ключевую роль в которых играла отмена крепостного права в России. Отечественные прогрессивные политики все чаще критиковали колониальные порядки, установленные в Русской Америке, и выступали против эксплуатации местного населения и монопольных привилегий Российско-Американской компании. В мае 1860 г. для изучения положения на месте было решено послать в Русскую Америку двух полномочных ревизоров — действительного статского советника С. А. Костливцева от Министерства финансов, в ведении которого находилась компания, и капитан-лейтенанта (впоследствии — капитана 2-го ранга) П. Н. Головина от Морского министерства, где деятельность компании подвергалась особенно строгой критике [7, с. 119].

В секретной инструкции ревизорам [86] в качестве основной ставилась задача выяснить, насколько Русская Америка готова к переменам в русле проходящих в России реформ, при условии отмены исключительных привилегий Российско-Американской компании, и вообще — «целесообразно ли дальнейшее владение Русской Америкой» [86, лл. 3–4 об.]. Основной инструкции для проверяющих была составленная Костливцевым в традициях российских анкетных исследований XVIII–XIX вв. табличная «Ведомость о настоящем положении Российско-Американских колоний. 1860 год».

Инспекторы С. А. Костливцев и П. Н. Головин вернулись из своих ревизионных поездок осенью 1861 г. и представили обстоятельные отчеты о положении в русских заокеанских владениях. Несмотря на серьезную критику Российско-Американской компании, оба проверяющих на основании внимательного изучения вопроса пришли к выводу о целесообразности сохранения Компании. Опубликованные в печати материалы Костливцева и Головина вошли в число фундаментальных источников по истории Русской Америки и до сих пор широко используются исследователями [87–91]. Как показал Н. Н. Болховитинов, подлинник отчета П. Н. Головина, сохранившийся в фондах Российского государственного архива Военно-морского флота [92], существенно отличается от своего опубликованного варианта [7, с. 134]. В опущенной заключительной части обзора не только излагались известные конфиденциальные переговоры сенатора У. М. Гвина с Э. А. Стеклем, но и высказывались существенные соображения самого Головина о судьбе Русской Америки. Мнение капитана П. Н. Головина решительно склонялось в пользу сохранения владений России на Американском континенте, в подтверждение чего он приводит следующие, звучащие удивительно современно соображения:

Общественное мнение России до сих пор негодует за уступку нашей бывшей фактории в Калифорнии, особенно с тех пор, как рядом с селением Росс открылись золотые прииски, а при преобразованиях, которые предполагаются для наших колоний, легко может случиться, что люди предприимчивые, принявшись за дело толково и с энергией, откроют и в колониях наших богатства, о существовании которых теперь и не подозревают. Что же касается до упрочения дружеских отношений России и Соединенных Штатов, то можно сказать положительно, что сочувствие к нам американцев будет проявляться до тех пор, пока оно их ни к чему не обязывает, или пока это им выгодно. Жертвовать же своими интересами для простых убеждений американцы никогда не будут.

В заключение, чтобы разом обрисовать личность американских politicians (политиков), прибавлю, что сенатор Гвин, не успевший склонить на свою сторону избирателей, оставил Калифорнию и, отказавшись от своих убеждений, уехал в южные штаты попытать счастья у сепаратистов.

Капитан-лейтенант Головин. 20 октября 1861 года [7, с. 135–136; 92, лл. 252–255].

Созданный для рассмотрения отчетов Костливцева и Головина Комитет об устройстве русских американских владений под председательством директора Департамента мануфактур и внутренней торговли А. И. Бутовского в целом признал заслуги Российско-Американской компании и высказался за ее сохранение с продлением привилегий на 12 (вместо 20) лет. Однако сама компания должна была перейти в ведение Морского министерства с назначением для управления краем военного губернатора, введением постоянного крейсирования военных судов и других усовершенствований в колониях. В конечном итоге, по представлению Департамента государственной экономии мнение о желательности сохранения Российско-Американской компании было поддержано Государственным советом, решение которого было утверждено 14 (26) июня 1865 г. Александром II, подписано великим князем Константином и опубликовано в печати [7, с. 138].

Все это, однако, не помешало российскому руководству не многим более чем через год, 16 (28) декабря 1866 г., на особом заседании в парадном зале Министерства иностранных дел, проходившем при участии Александра II, великого князя Константина, министра иностранных дел А. М. Горчакова, министра финансов М. Х. Рейтерна, управляющего Морским министерством Н. К. Краббе и посланника в Вашингтоне Э. А. Стекля, принять решение о продаже российских владений в Северной Америке. В 4 часа утра 18 (30) марта 1867 г. был подписан договор о продаже Россией Аляски Соединенным Штатам Америки за 7 200 000 долларов [7, с. 199].

Позднее известный своими экспансионистскими взглядами влиятельный вашингтонский адвокат, сенатор (1835–1845 гг.) и министр финансов США (1843–1849 гг.) Роберт Дж. Уокер [93] назвал покупку Аляски «величайшим актом» тогдашней администрации США. Уокер отмечал, что театром «великих триумфов» Соединенных Штатов призван стать Тихий океан, где у них скоро не будет «грозных европейских конкурентов», и не

скрывал, что в конечном итоге мечтает о политическом и торговом господстве США во всем мире [7, с. 246].

6 (18) октября 1867 г. в 11 часов американский представитель генерал Л. Х. Руссо, официальный уполномоченный российского правительства командир броненосного фрегата «Минин» капитан 2-го ранга А. И. Пещуров и представлявший интересы Российско-Американской компании капитан 2-го ранга Ф. Ф. Коскуль прибыли в Ново-Архангельск. Уполномоченные обеих стран в присутствии последнего главного правителя российских колоний, капитана 1-го ранга князя Д. П. МаксUTOва, в тот же день, в 15 часов 30 минут приступили к торжественной церемонии передачи Русской Америки Соединенным Штатам. На площади перед резиденцией главного правителя были выстроены войска, и под орудийные салюты состоялась церемония спуска российского флага и поднятия американского. Так прекратила свое существование единственная заморская колония Российской Империи.

Список литературы

1. Болховитинов Н. Н. Доктрина Монро: Происхождение и характер. М., 1959.
2. Болховитинов Н. Н. Россия и США. Архивные документы и исторические исследования: Аналитический обзор. М., 1984.
3. Bolkhovitinov N. N. Russia and the United States: An Analytical Survey of Archival Documents and Historical Studies / Transl. and Ed. by J. D. Hartgrove. Armonk, [N. Y.], 1989.
4. Болховитинов Н. Н. Общественность США и ратификация договора 1867 г. // Американский ежегодник, 1987. М., 1987. С. 157–174.
5. Болховитинов Н. Н. Как продали Аляску // Международная жизнь. 1988. № 7. С. 120–131.
6. Болховитинов Н. Н. Аляскинский скандал // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 37–54.
7. Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. М., 1990.
8. Adams J. Q. Memoirs of John Quincy Adams. Vol. 1–12 / Ed. by Ch. F. Adams. Philadelphia, 1874–1877. Vol. 4.
9. Lafeber W. (Ed.). John Quincy Adams and American Continental Empire. Chicago, 1965.
10. Kushner H. I. Conflict on the Northwest Coast: American-Russian Rivalry in the Pacific Northwest, 1790–1867 // Contributions in American History. London, 1975. № 4.
11. Pratt J. W. The Origin of «Manifest Destiny» // American Historical Review. 1927. Vol. 32. № 4. P. 793–798.
12. Pratt J. W. The Ideology of American Expansion // Essays in Honor of William E. Dodd. / Ed. by A. Craven. Chicago, 1935.
13. Seward W. H. The Works of William H. Seward / Ed. by G. E. Baker. New York, 1972. Vol. 3.
14. Farrar V. J. The Annexation of Russian America to the United States. Washington, 1937.
15. McPherson H. M. The Interest of William McKendree Gwin in the Purchase of Alaska, 1854–1861 // Pacific Historical Review. 1934. Vol. 3. № 1.
16. McPherson H. M. William McKendree Gwin, Expansionist: Ph. D. University of California. Berkeley, 1931. VII.
17. Cole A. B. (Ed.) Yankee Surveyors in the Shogun's Seas. Princeton, 1947.
18. Пономарев В. Н. Русско-американские отношения в годы Крымской войны, 1852–1856: Дисс. на степень канд. ист. наук. М., 1984.
19. Пономарев В. Н. Русско-американские отношения в годы Крымской войны, 1852–1856 // Исторические записки. 1984. Т. 110. С. 232–281.

20. Струве Б. В. Воспоминания о Сибири, 1848–1854 г. СПб., 1889.
21. Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Т. 1. Москва, 1891.
22. Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. 2. СПб., 1862.
23. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1289. Оп. 1. № 1444 — *По предложению полковника Кембеля о проведении телеграфной линии чрез Сибирь для соединения Европы с Америкой* (16 марта 1858 г. — 6 ноября 1862 г.).
24. РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. № 1540 — *Переписка о проекте капитана Романова об устройстве телеграфа между Америкой и Сибирью* (25 февраля — 10 марта 1859 г.).
25. Романов Д. И. Проект русско-американского международного телеграфа // Русское слово. 4 февраля 1859 г.
26. Романов Д. И. Перезабывтый вопрос о телеграфе через Сибирь между Старым и Новым Светом // Санкт-Петербургские ведомости. 28 февраля 1861 г.
27. Романов Д. И. Сибирский телеграф // Русский инвалид. 12 марта 1864 г.
28. Soul N. E. American's Siberian Dream // Russian Review. 1978. Vol. 37. № 4. P. 405–420.
29. 35th Congress. 1st Session. House Ex. Doc. 98. Washington, 1858.
30. Collins P. M. Voyage down the Amoor: with Land Journey through Siberia, and Incidental Notices of Manchooria, Kamchatka and Japan. New York, 1860. (2nd ed.: 1864).
31. Collins P. M. Siberian Journey down the Amoor to the Pacific, 1856–1857 / Ed. with Introduction by Ch. Vevier. Madison, 1962.
32. РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. № 95 — *Выписка из журнала Сибирского комитета. 22 апреля (4 мая) 1857 г.*
33. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Санкт-Петербургский Главный Архив, 1–9. Оп. 8. № 10. Лл. 1–1 об. — *По предположению по проведению телеграфа от Западного Прибрежья Северной Америки в Восточную Сибирь...* (Письмо барона Стекла великому князю Константину от 4/14 1861 г.).
34. АВПРИ. Ф. Санкт-Петербургский Главный Архив, 1–9. Оп. 8. № 10 — *Письмо Посольства Соединенных Штатов от 29 октября/10 ноября 1862 г., за подписью Байарда Тэйлора (Bayard Taylor).*
35. АВПРИ, Ф. 339 (РАК). Оп. 888. № 408. Л. 37. — *Переписка и материалы относительно сделанного г. Коллинсом предложения об устройстве электрического телеграфа от устья р. Амура через русские и британские Северо-Американские владения.*
36. Об условиях Российского телеграфного управления с уполномоченным Американской компании западных соединенных телеграфов для учреждения телеграфного сообщения между Россией и Америкой // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 13/25 августа, за № 461. СПб., 1865.
37. P. McD. Collins' proposed Overland telegraph via Behrings Strait and Asiatic Russia to Europe, under Russian & British grants. Furnished by J. H. Colton. New York, 1864.
38. Falk M. W. Alaskan Maps: A Cartobibliography of Alaska to 1900. New York & London, 1983.
39. РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. № 1957.
40. Alton J. J. The First Scientific Exploration of Russian America and the Purchase of Alaska. Evanston and Chicago, 1942.
41. Sherwood M. B. Exploration of Alaska; 1865–1900. New Haven and London, 1965.
42. RK to Jsten-Sacken. TC/PC of O bMU 1626.10.3. Harvard: Mus. Comp. Zool. Smithsonian Institution, Washington, D. C. Feb. 25 1865.
43. АВПРИ. Ф. 339. Оп. 888. № 408 — *Рапорт капитана второго ранга Гаврилова.*
44. РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. № 1967 — *Инструкция чиновнику особых поручений Главного управления Восточной Сибири Коллежскому асессору Аносову (от 13 января 1866 г.).*
45. Charles L. Bulkley to RK, St. Michaels. T/C Russian Telegraph Expedition, Notes and Correspondence, Box 82, Museum of Nat. Hist. Lib., S. 1.
46. РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. № 1958 — *О предложении Телеграфного сообщения России с Америкой. Часть Третья. 11 февраля 1863–20 февраля 1867 г.*

47. АВПРИ. Ф. Санкт-Петербургский Главный архив, I-9. Оп. 8. № 10 — *Описание действующей Компании Западных телеграфов Соединенных Штатов по сооружению Российско-Американского Телеграфа (от чиновника особых поручений при Главном управлении Восточной Сибири Аносова министру почт и телеграфов)*.
48. *Whymper F.* Travel and adventure in the territory of Alaska, formerly Russian America — now ceded to the United States — and in various other parts of the North Pacific. London, 1868.
49. Ennis W. H. to RK. TC/PC of O, William Healey Dall Papers, 7073, Box 6, Folder 4, SIA.
50. William Healey Dall Papers, 7073, Box 316. Folder 1.
51. *Adams G. R.* Life on the Yukon, 1865-1867 / Ed. by R. A. Pierce // *Alaska History*. № 22. The Western Union Telegraph Expedition I. Kingston, 1982
52. *Pettus T.* Expedition to Russian America // *Beaver*, Winter, 1962. P. 8-19.
53. TC from George R. Adams, MS diary, 14 November 1865. U. of Wash. Lib.
54. *Transactions of the Chicago Academy of Sciences*. Vol I. Chicago, 1867.
55. *Dall W. H.* Biography of Spencer Fullerton Baird. Philadelphia, 1915.
56. *Ault Ph. H.* The (almost) Russian-American Telegraph // *American Heritage*. 1975. Vol. XXVI. № 4.
57. *Dall W.* Alaska and Its Resources. Boston, 1870.
58. *Dall W.* On the Trend of the Rocky Mountain Range North of Lat 60° and Its Influence on Faunal Distribution // *AAAS, Proceedings*. 18. 1870. P. 247.
59. *Dall W.* Remarks upon the Natural History of Alaska // *Proceedings of the Boston Society of Natural History*. 1868. 12. P. 143-151.
60. *Whymper F.* Russian America or 'Alaska': the Natives of the Yukon River and Adjacent Country // *Transactions of the Ethnological Society of London*. 1869. V. I. 1869. P. 175-176.
61. *Arrowsmith J.* Map of the Yukon or Kwich-pak river / To accompany «A journey from Norton sound, Bering sea, to Fort Yukon junction of Porculine and Yukon rivers». London, 1869.
62. Map of Russian America or Alaska Territory, compiled from Russian Charts and Surveys of W. U. Tel. Ex. Col. C. I. *Bulkley*, Eng.r in Chief. By J. F. *Lewis*, chief Draughtsman. M. *Cadin*, Ass.t 1867. Lithog.t by *Britton* and *Rey S.R.*
63. Alaska and adjoining territory 1869. The Yukon River, ranges of mountains, shores of Norton Sound and many features of the interior from a reconnaissance by W. H. *Dall*, director of the Scientific Corps of the W. U. Tel. Expedition, 1865-1868. Drawn by H. *Lindenkolh*. Washington: U.S. Coast Survey, 1869.
64. *Tompkins S. R.* Alaska: Promyshlennik and Sourdough. Norman, 1952.
65. Sketch map of the Stickeen river from the moutn to the Little Canon. The Stickeen river from survey in 1863, and information obtained by *William P. Blake*. To accompany a report to hon. W.H. *Seward*. 1868 // *Messege of the president in answer to a resolution of the house of the 19th Dec. last transmitting correspondence in relation to Russian America*. 40th Congress, H. R. EX doc. no. 177. 2nd sess.
66. *Petrov I.* Report on the population, industries and resources of Alaska. Washington, 1884.
67. St. Paul Harbor, Kadiak Island. Drawn by H. *Lindenkolh*; J. *Bien*, photo lith. Astronomical & magnetic observations and topography by the party in charge of Assist. *George Davidson* in 1867. The soundings are from Russian authorities. Washington, U. S. Coast Surveyy, 1869. № 22.
68. Sitka Harbor, Alaska. Drawn by H. *Lindenkolh*; J. *Bien*, photo lith. Astronomical, magnetic & tidal observations and topography by the party in charge of Assist. G. *Davidson* in 1867. The sounding are from Russian authorities. Washington: U. S. Coast Survey, 1869. № 21.
69. *Sherwood M. B.* George Davidson and the Acquisition of Alaska // *Pacific Historica Review*. 1959. № 28. P. 141-154.
70. *Davidson G.* Report relative to the resources and the coast features of Alaska territory // *Congressional Papers*. House Executive Doc. 177. 40th Congress. 2nd Session. Serial 1339. Washington, 1867. P. 219-314.
71. *Davidson G.* Scientific expedition to Alaska // *Lippincott magazine*. Vol. II. Philadelphia, 1868.

72. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 1331. Оп. 4. № 719.
73. *Orth D. J.* Dictionary of Alaska Place Names / Geological Survey Professional Paper 567. Washington Printing Office, 1971.
74. *Колгушкин В. В.* (сост.) Описание старинных атласов, карт и планов XVI, XVII, XVIII веков и половины XIX века, хранящихся в архиве Центрального картографического производства ВМФ. [Ленинград]. Управление начальника Гидрографической службы Военно-морского флота. 1958. № 893.
75. *Федорова С. Г.* Штурманы Иваны Васильевы и их роль в изучении Аляски (первая половина XIX в.) // *Летопись Севера*. М., 1979. № 9. С. 206.
76. *Sumner Ch.* Speech of Honorable Charles Sumner on the Cession of Russian America to the United States. Washington, 1867.
77. *Sumner Ch.* Works of Charles Sumner. Vol. 11. Boston, 1883. P. 186–349.
78. *Neunherz R. E.* The Purchase of Russian America: Reasons and Reactions / Ph. D. University of Washington. Washington, 1975.
79. *Davidson G.* Report relative to the resources and the coast features of Alaska territory / Coast Survey; Report of the superintendent showing the progress of the survey during the year 1867. Appendix № 18. Washington, 1869. P. 187–329.
80. *Blake T. A.* General topographic features of the Northwestern Coast of America, from the Strait of Juan de Fuca to the parallel of sixty degrees North latitude / Coast Survey; Report of the superintendent showing the progress of the survey during the year 1867. Appendix № 18. Washington, 1869. P. 281–290.
81. *Vocabularies of the languages of the Natives of Kadiak, Unalaska, Kenai and Sitka* / Coast Survey; Report of the superintendent showing the progress of the survey during the year 1867. Appendix № 18. Washington, 1869. P. 293–298.
82. *Kellog A.* Report on the botany of Alaska / Coast Survey; Report of the superintendent showing the progress of the survey during the year 1867. Appendix № 18. Washington, 1869. P. 318–324;
83. *Davidson G.* United States coast survey, Benjamin Peirce, superintendent. Pacific coast. Coast pilot of Alaska, (first part) from southern boundary to Cook's inlet. Washington, 1869.
84. *Herber E. C.* Spencer Fullerton Baird and the Purchase of Alaska // *Proceedings of American Philosophical Society*. 1954. Vol. 98. № 2. 1954. P. 139–143.
85. The Role of the Smithsonian Institution in the Purchase of Alaska (manuscript). Smithsonian Institution Archives.
86. АВПРИ. Ф. Санкт-Петербургский Главный архив, I–9 (161). Оп. 8 (1860–1866). № 10. Лл. 3–89. — *О командировании действительного статского советника Костливецова и капитан-лейтенанта Головина для обозрения Северо-Американских Колоний наших...*
87. РГИА. Ф. 18. Оп. 5. № 1347а. Лл. 802–804 (Письмо С. А. Костливецова — А. М. Княжевичу, 21 октября/2 ноября 1861 г.). Лл. 804а–888. (Отчет С. А. Костливецова.)
88. *Головин П. Н.* Обзор русских колоний в Северной Америке. СПб., 1862.
89. Доклад Комитета об устройстве русских американских колоний. Часть 2 — Приложение к докладу Комитета об устройстве русских американских колоний. СПб., 1863. С. 1–267, 268–462.
90. *Golovin P. N.* The End of Russian America: Captain P. N. Golovin's Last Report, 1862 / Transl. with Intro. and Notes by *B. Dmytryshyn, E. A. P. Crownhart-Vaughan*. Portland, 1979.
91. *Golovin P. N.* Civil and Savage encounters: The wordly travel letters of an Imperial Russian Navy Officer, 1860–1861 / Transl. and annotated by *B. Dmytryshyn and E. A. P. Crownhart-Vaughann*. Intr. *Th. Vaughan*. Portland, MCMLXXXIII.
92. РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. № 2515.
93. *Shenton J. P.* Robert John Walker: A Politician from Jackson to Lincoln. New York, 1961.